

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ЕВРОПЕЙЦЫ ЕЩЕ САМИ НЕ ОСОЗНАЛИ,
ЧТО НАТВОРИЛИ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ОСТРОВ ТЕРРОРИСТОВ

Роман о российском спецназе

Александр Тамоников

Остров террористов

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Остров террористов / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-04-004095-7

Расследование заказного убийства привело группу спецназа майора Андрея Корнилова в один из районов Лондона. Именно здесь был отравлен наш агент, который поставлял информацию о планах международных экстремистов. Корнилов выясняет, что убийца, фанатик-боевик, сразу же после преступления сбежал в Шотландию, где на одном из островов находится база террористов. Спецназовцы разрабатывают операцию по уничтожению опасного логова. Но в последний момент в их планы вмешиваются роковые обстоятельства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004095-7

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Остров террористов

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

*Все, изложенное в книге, является плодом авторского
воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

Пролог

Мощный взрыв сотряс тоннель под Ла-Маншем в понедельник, 8 мая. Невзирая на «трехслойную» систему безопасности, на серьезную охрану, на неодолимые трудности, сопряженные с минированием ультрасовременного электропоезда «Евростар», это все же случилось! Сигналы о готовящейся диверсии на высокоскоростной магистрали между Великобританией, Францией и Бельгией периодически поступали. Но то, что она произойдет именно в тоннеле, защищенном мощной бетонной отделкой и 50-метровой толщиной вод Английского канала, ожидали в последнюю очередь. Поезд вышел из Брюсселя согласно расписанию – около полудня. Двадцать скоростных вагонов долетели до Парижа, взяли курс на пролив. По суше состав разогнался до крейсерской скорости 300 километров в час. В районе французского Кале он нырнул под землю, чтобы вынырнуть через 50 километров у английского Дувра, а там еще немного и Лондон. В тоннеле скорость снижалась до 160 километров. Колея обкатанная, инциденты крайне редки. Евротоннель соединял континентальную Европу с Великобританией. От французской столицы до Лондона можно было добраться всего за два часа. Чудо инженерной мысли, введенное в строй в 1994 году – железнодорожный тоннель, – представляло собой довольно сложное сооружение. Две встречные ветки, замурованные в бетон – основные тоннели, тянулись параллельно друг другу. Между ними располагался служебный коридор меньшего диаметра – для проведения текущих работ, эвакуации пассажиров в случае аварий. Стволы тоннелей охватывали полутора-метровые бетонные кольца. Каждые 350 метров основные тоннели соединялись проходами со служебным. Работала система вентиляции, распределяющая воздушные потоки. Все тоннели имели две развязки, позволяющие поездам свободно перемещаться по веткам...

Взрывное устройство сработало в головном вагоне, когда состав отмахал половину канала. Особой мощности не требовалось – устройство закрепили под днищем, в районе ходовой части. Кого при этом подкупили и какие технологии применили – предстояло выяснить следствию. Вагон, напичканный сложным оборудованием, сорвался с рельсов, вздыбился. Он ломался о стены тоннеля, рвался на куски. В итоге его зажало между стенами, расплющило вторым и третьим вагонами. Остальные вагоны тоже сходили с рельсов, их бросало из стороны в сторону. Набранная инерция не позволяла остановиться. В голове электропоезда творилось что-то несусветное. Вспыхнул пожар, в дыму кричали люди. Состав перевозил 260 пассажиров. У тех, кто находился в первых вагонах, шансов не было. Тоннель заволокло прогорклым дымом, пламя рвалось по шахте. Часть его уходила в боковые ответвления – это и спасло многих пассажиров. Сигнал о «неполадке» с составом оператор принял быстро, но что случилось на самом деле, узнали не сразу. Инструкцию выполнили – отключили контактный рельс напряжением 750 вольт, отрубили энергоснабжение. Иначе жертв было бы больше. В тоннеле творился ад. Переломанные, смятые в лепешку головные вагоны, разбросанные остальные. В голове состава никто не выжил. Перепуганные пассажиры разбивали стекла, отжимали двери. Задымленный тоннель огласили отчаянные крики. Стонали раненые. Многие бежали прочь по тоннелю – оглушенные, в шоковом состоянии. Те, кто сохранил самообладание, помогали вытаскивать раненых, женщин, детей. Толпа устремила в сторону французского берега – благо тоннель освещали мутные фонари резервной системы электроснабжения. Связаться с машинистами диспетчеры не могли – от машинистов ничего не осталось. Несколько минут в служебных офисах компании «Евростар» царила растерянность. Потом завертелся «спасательный» механизм. Из коридора, ведущего в служебный тоннель, выбегали растерянные работники, встречали окровавленных, дезориентированных пассажиров. Поток бегущих направлялся в коридор, и через несколько минут людей собрали в безопасном служебном тоннеле. У многих была истерика,

кто-то истошно звал своих близких. Молодой парень рвался обратно – где его девушка? Он ничего не помнит, дыра в памяти! В тоннель устремились спасательные команды: с севера – английская, с юга – французская. Британцы застряли – уперлись в вагон, заткнувший проход, пришлось искать обходные пути. Французы прямо с колес приступили к спасательной операции – резали вагоны, чтобы вытащить людей, неспособных передвигаться, пробивались в глубину состава через тонны искореженного железа...

Преобладающее состояние – ШОК. Не верилось, что это произошло на самом деле. Движение остановили – даже на параллельной ветке. Всех пассажиров – целых, пострадавших – эвакуировали через служебный тоннель. Далее службы компании «Евростар» работали слаженно. Объект закрыли полностью. Проезд оставили только для машин экстренных служб. Скапливались поезда в Брюсселе, Лондоне, Париже – назревал транспортный коллапс. Но вариантов не было. СМИ уже разразились истеричными «горячими новостями», подливая масла в огонь всеевропейской паники. Просачивались слухи о сотнях погибших, о полном разрушении тоннеля. В дыму работали спасатели, система вентиляции гнала воздух. Тоннель не пострадал, но повреждения получило железнодорожное полотно. Спасательным командам удалось пробиться через весь состав. В первую очередь извлекали тех, кто подавал признаки жизни, – их передавали медикам. Вытаскивали мертвые тела, раскладывали на шпалах. Попутно резали вагоны – техника оттаскивала горелые фрагменты. Напряженная работа продолжалась сутки, люди трудились на износ. Постепенно уменьшалась гора железа, заблокировавшая тоннель. Пробилась техника с севера, работа пошла энергичнее. Еще сутки расчищали пути. В ходе теракта погибли 72 человека, еще тринадцать скончались позднее в больницах. Более сотни раненых – гематомы, разрывы тканей, сломанные кости. Психологический ущерб переоценить было трудно. Штатные психологи трудились без сна. Как бы цинично ни звучало – отделались сравнительно легко. Только чудо спасло от возгорания весь состав, и большинство людей все же эвакуировали. В планы террористов входила ликвидация ВСЕГО состава. Приступали к работе полиция и спецслужбы. Даже «хваленая» европейская осторожность не помешала квалифицировать происшествие как теракт. Следы взрывчатки обнаружили в скомканных колесных парах. «Модный» тринит – сильное взрывчатое вещество в несколько раз мощнее тротила с гексогеном. Допрашивались все сотрудники компании «Евростар», из офисов изымались документы. Компания несла колоссальные убытки. Проверялись все места, где могли заминировать поезд, просматривались записи с камер видеонаблюдения. Главный вопрос: КАК взорвали поезд? С суши, дистанционный подрыв? – нереально, слишком мощные слои воды и бетона, никакой радиосигнал не пройдет. Таймер? Но трудно рассчитать время, и ничего похожего с места взрыва не соскребли. И полиция, и спецслужбы приходили к единственному выводу: некто, вышедший из служебного тоннеля, активировал взрывчатку с пульта, в зоне прямой видимости поезда. А потом воспользовался тем же коридором, чтобы убежать. Пульт он, естественно, выбросил, и тот благополучно расплавился вместе с грудой железа. Проникнуть в тоннель мог только работник компании...

Служебная халатность была налицо. Не уследили! Над сотнями сотрудников навис дамоклов меч правосудия. Спецслужбы копали по всем направлениям. Немного смутила странная смерть во вторник, 9 мая, одного из рабочих, ответственных за функционирование шахты вентиляции. Человек случайно сорвался с балкона блочной многоэтажки своей квартиры в Кале. Француз алжирского происхождения, 35 лет, не женат, ответственный и опытный работник. Потом в Париже погибли еще двое – оба работали в депо, откуда на линию выпускали «поезда высшего качества», следующие через Ла-Манш. Начальник участка и инженер. Первый – родом из Иордании, второй – белый француз без всяких примесей. У джипа, в котором они оба ехали, отказали тормоза, он сорвался с эстакады в восточном пригороде Парижа, проломил ограждение и рухнул под колеса маневрового локомотива. Оба

инцидента насторожили спецслужбы, но расследование не выявило каких-либо «нюансов». Правда, у тех, кто обладал интуицией, стали роиться недобрые предчувствия...

В Европе снова становилось как-то нервно. Лидеры правых партий делали громкие заявления: пора покончить с этой заразой раз и навсегда! Официальные лица Франции и Великобритании не менее эмоционально вещали с экранов телевизоров: ситуация под контролем, преступники будут наказаны! Никому не удастся свернуть завоевания демократии и свести на нет европейское благоразумие и толерантность! Террористам не поколебать единство Европы!

А вечером во вторник, 9 мая, произошло еще одно событие, шокировавшее «прогрессивную» общественность. На этот раз на стыке Европы с Азией – у турецкого острова Гёкчевада, недалеко от входа в Дарданеллы. Фрегат «Тернер» Шестого флота США на полных парах шел через Мраморное море в Черное. Информационная служба ВМС США сообщила, что уже утром, 9 мая, фрегат войдет в акваторию Черного моря. Официально объявленная миссия: «поддержка мира и стабильности в регионе, обеспечение морской безопасности, а также поддержка операций НАТО и перемещения войск альянса». Неофициальная миссия: досадить русским. А когда лучше всего бряцать оружием у русских под носом? Правильно – в их всенародный священный праздник!

Предыдущий конфуз фрегата командование морских сил не смутил. В начале 2013 года фрегат уже отправляли в Черное море – «для защиты Олимпиады в Сочи». Но Олимпиада так и осталась без защиты! В турецком порту Самсун фрегат «Тернер» сел на мель, где и просидел до конца спортивных состязаний. Позор был на весь флот. Но время лечит душевные раны. Руководство флота не страдало суевериями и было полно решимости потрепать нервы «русским агрессорам» и продемонстрировать союзникам по НАТО, что американский флот никуда не делся! Фрегат относился к типу «Оливер Хазард Пери» и имел на борту полный боекомплект для противолодочной и противовоздушной обороны: зенитные ракеты, артиллерийскую и зенитную установки, противокорабельные ракеты «Гарпун», торпедные аппараты. На борту находились также два боевых вертолета «Си Хок».

В пятнадцати милях от входа в Дарданеллы фрегат подвергся внезапной атаке! Поначалу решили, что напоролись на мелкое судно – удар, толчок, треск. Как проглядели? Ведь невозможно безнаказанно подойти к мощному судну, напичканному следящей электроникой! Потом отметился звук, похожий на глухой взрыв. Потом говорили, что видели перископ незадолго до инцидента, что-то блеснуло на глубине – вроде небольшой субмарины. Радары ничего не зафиксировали. Но нападение тем не менее состоялось. Если и была какая-то лодка, то она мгновенно ушла и больше не появлялась. Акция явно демонстративная, вряд ли злоумышленники преследовали цель потопить огромный фрегат Шестого флота! Просто показать: смотрите, мы можем! В трюме образовалась течь. Два матроса сломали ноги, когда в спешке разворачивали помпу. Еще кого-то ударило током во время сварочных работ. Шила в мешке не утаишь. В команде служили полторы сотни простых американских парней, и информация обо всем случившемся мгновенно разлетелась по соцсетям. В результате взрыва повреждения получил основной рулевой винт. Устранить неисправность на месте не удалось. Судно сохраняло плавучесть, но утратило маневренность. Несколько часов оно беспомощно дрейфовало, пока на выручку не прибыл из греческого Волоса большой десантный корабль «Тейлор Кук». Злополучный фрегат взяли на буксир и отвели в порт турецкого Чанаккале, где имелись доки и средства для ремонта. Руководство Шестого флота в Неаполе багровело от ярости. Как могло такое случиться? Халатность командира судна? Самопроизвольный подрыв боеприпаса? Кто в своем уме осмелится атаковать фрегат США, да еще и подойдет к нему незаметно?! В Чанаккале из Неаполя вылетела флотская следственная группа с приказом провести тщательное расследование...

Западные СМИ и на этот раз молчать не стали. Зачем ждать результатов расследования? Враг рядом, на востоке! Во всем случившемся привычно обвинили Россию. Коварный президент, секретные лаборатории, в которых изобретаются компактные современные субмарины, невидимые радарам! Руководство НАТО выражает серьезную озабоченность, на всякий случай призывает усилить санкции в отношении России...

Резонная тема, зачем России устраивать столь опасные провокации против американских военных кораблей, разумеется, не обсуждалась. Зачем? Разве самое агрессивное в мире государство придерживается в своих устремлениях резонов и элементарной логики?

Глава первая

11 мая, четверг, 9.05 утра

Атмосфера в кабинете генерал-полковника Володарского – начальника Главного управления противодействия террору – могла бы быть и веселее. Случались времена, что бывала. Но сегодня с раннего утра хозяин кабинета – невысокий 60-летний мужчина в штатском костюме, меньше всего напоминающий обладателя высокого генеральского звания, – был явно не в духе. Он много думал, долго стоял у окна, откуда открывался «изумительный» вид на кирпичный забор, потом уселся в кресло и мрачно уставился на собравшихся. Те уткнулись в свои блокноты, побаивались торопить события. Мрачное настроение руководителя передавалось подчиненным. В помещении властвовал полумрак – даже солнце побаивалось просачиваться через плотно задернутые портьеры.

– Что там с последними европейскими терактами, Федор Анисимович? – глуховато осведомился Володарский, фокусируя взгляд на постной mine своего заместителя – генерал-майора Глушко.

– Никаких подвижек у наших западных коллег, Александр Михайлович, – откликнулся заместитель. – Количество жертв в Евротоннеле достигло восьмидесяти пяти. Движение откроют не раньше, чем через три дня. Спецслужбы трясут все структуры, близкие к компании «Евростар». Исполнителей, похоже, ликвидировали, шансы добраться до террористов – нулевые. В качестве поддержки реноме кого-то задерживают, потрянули мусульманскую общину, уверяют, что проделали колоссальную работу, – но все это закончится очередным пшиком. Удар им нанесли, конечно, чувствительный...

– Наглядно подтвердив, что гарантировать стопроцентную защиту от террористов нельзя НИ ОДНОМУ объекту, – проворчал второй заместитель Володарского полковник Панчехин. – Можно снизить вероятность, минимизировать риски, но полностью обезопасить объект невозможно. Эти ребята действуют хитроумно и изобретательно.

– Накаркаете, Юрий Евгеньевич, – буркнул Володарский. – Эти ребята могут действовать хитроумно и изобретательно только в том случае, если располагают полной информацией и своими людьми в нужных структурах.

– У них имеется информация и свои люди, товарищ генерал-полковник, – подал голос полковник Синявин – начальник отдела особых операций. – У них инициатива, они на шаг впереди. В этих условиях работа европейских спецслужб приносит такую же пользу, как миссия ОБСЕ на Донбассе, – никакую. Сами же себя зарывают в могилу, отказываясь от сотрудничества с нами. Антироссийская паранойя достигла пика, и никакому Трампу ее не унять. В представлении европейцев Россия – не меньшее зло, чем ИГИЛ. Такое ощущение, что эта паранойя подпитывается заинтересованными лицами и организациями – другой логикой это не объяснить.

– Ладно, давайте пока без конспирологии и мировых заговоров, – поморщился Володарский. – Что американцам удалось выяснить по фрегату «Тернер» – кроме того, что это очередная российская провокация и русские зашли слишком далеко?

– Пробоину в корпусе проделали извне, – сообщил полковник Панчехин. – Причастность членов команды, таким образом, исключается – что опять же прекрасно укладывается в версию российской провокации.

– Думаю, не надо объяснять, что это не мы, товарищ генерал-полковник? – сказал Глушко. – Как-то странно даже предположить. Если мы, конечно, не в Голливуде...

– Боюсь, не обойтись, как вы выразились, без конспирологии и мировых заговоров, – вздохнул Синявин. – Опустим тему, как это сделали технически. Версия подводной лодки – не единственная. «Аль-Каида» и ИГИЛ не располагают такими возможностями. Снова

на повестке дня встает тема их европейских партнеров, обладающих финансовыми, материальными, а возможно, и пропагандистскими ресурсами. Ниточки по-прежнему обрываются в Лондоне. Засвечен некий влиятельный банкир Айзек Айронблум, глава корпорации «ВТА» – фигура не публичная, но весьма защищенная. К нему не подобраться. Есть несколько адресов, где он может отметиться, но у нас не хватает агентуры отслеживать эти места. Да и наше ли это дело? ЦРУ самоустранилось, МИ-6 предпочитает ничего не замечать. Ведет себя так, будто это его вообще не касается...

– Это наше дело, – снова поморщился Володарский. – Теракты в Европе – проба пера. Скоро террористы атакуют Россию – и тогда взрывы в питерской подземке покажутся детской игрой. Предпочтительнее ликвидировать заразу на дальних, так сказать, подступах. Что у нас по Сайдулле, Юрий Евгеньевич?

Полковник Панчехин, видимо, готовился к вопросу, не смутился.

– Группа «Манул» майора Корнилова хорошо сработала в Испании полтора месяца назад – сделала все, что было в их силах. На завершающей фазе операции подвели испанцы и ЦРУ. Группу террористов уничтожили, но Сайдулла ушел. Надеялись, что он погиб. Но тело, выловленное в море через день, оказалось не его. Пытались выдать его за труп Сайдуллы, изувечили лицо, в крошево разбили челюсти, но по ряду примет на туловище, имеющих в нашем деле, определили, что это не он. Человека, похожего на Сайдулла, засекли пару дней назад камеры в Ливерпуле. Вероятность того, что это он, – 85 процентов. Мужчина схожей наружности выходил из такси, номер которого зафиксировать не удалось. Разумеется, для британских спецслужб это оказалось невыносимо сложно – проверить и опросить водителей нескольких сотен машин. Решили, что это бесперспективно. Они не хотят работать, Александр Михайлович. Наши ребята давно бы нашли водителя, выяснили место, где таксист взял пассажира, проследили бы за его перемещениями... Но мы не можем там работать. Если британцы выявят наших агентов, будет снова грандиозный скандал.

– Они и так с «большой озабоченностью воспринимают»... – усмехнулся Синявин.

– Мы тоже с озабоченностью воспринимаем их глупость, – фыркнул Панчехин. – По некоторым сведениям, в сирийской Ракке, которую американцы, похоже, уже никогда не возьмут, снова готовят специалистов для засылки в Европу под видом беженцев. Это не тупые шахиды, это люди, умеющие думать и работать. Они мотивированы. Планируются крупные теракты – в духе того же Евротоннеля. В Петербурге скоро начнется Международный экономический форум. Есть сигнал, что исламисты к этому событию собираются что-то приурочить. Вы правы, Александр Михайлович, этих ребят необходимо нейтрализовать на дальних подступах.

– Ищите контакты с ЦРУ, – задумчиво вымолвил Володарский. – Невзирая на все преграды и специфическое отношение к нашей стране – ищите... У Корнилова ведь в Испании что-то получалось? – он пытливо уставился на Синявина. Куратор группы немного смутился.

– Да, Александр Михайлович, с натяжкой можно сказать, что в Испании мы провели с американцами совместную операцию. Опять же благодаря немеркнущим способностям Корнилова, гм... Американцы пошли на это, поскольку находились в проигрышной ситуации. Они действовали на свой страх и риск, за что впоследствии получили от своего начальства. Сотрудничать с Россией – НЕЛЬЗЯ. Без объяснения причин. Это унижает высокий образ сотрудника ЦРУ. Так сказал Конгресс.

Синявин вдруг засмеялся, все с удивлением на него уставились.

– Не обращайтесь внимания, товарищи, – опомнился полковник. – Цитата вспомнилась. «Представьте на минуту, что вы идиот. А еще представьте, что вы член Конгресса. Впрочем, я повторяюсь». Марк Твен. К счастью, этих славных американских ребят не наказали, так как они выполнили поставленную задачу: ликвидировали Гази Хабира, ответственного за прошлогодние теракты в США. Но получили разнос и привлечены к административной

ответственности. Возможность дальнейших контактов устранена. Эта тема в ЦРУ даже не обсуждается. К тому же снова «русские хакеры» ринулись в атаку – на этот раз взломали серверы Министерства внутренней безопасности США, чем на пару дней парализовали его многотрудную работу по установлению тотального контроля над обществом.

– Хм, хотелось бы однажды взглянуть в глаза этим пресловутым «русским хакерам»... – проворчал Володарский.

– Генеральное консульство США во Франкфурте, – пожал плечами Синявин. – До последнего времени там располагался тайный центр по подготовке масштабных хакерских операций. Под прикрытием консульства работало европейское отделение Центра киберразведки. Из этой точки они могли атаковать полмира. У всех сотрудников – документы Госдепартамента и дипломатические паспорта. Активно разрабатывают вирусы и хакерские лазейки. Нападают на Европу, Китай, Ближний Восток. Не поручусь за всю Одессу, так сказать... но, предполагаю, оттуда и могут расти уши наших злополучных «русских хакеров». Во всяком случае, специалисты центра всюю проводят фальшивые диверсии, используя вредоносные программы, украденные из других стран, в том числе из нашей. Порой им выгоднее нанести ущерб своим, чтобы потом спихнуть эти проделки на наших хакеров, которых якобы готовит правительство...

– Ладно, – перебил Володарский, – об этих происках нам всем известно. Будем работать сами, не надеясь на заокеанского дядюшку, который, между прочим, не настолько и глуп, – Володарский усмехнулся. – Все американское разведсообщество по инерции ругает Трампа, однако он наделил ЦРУ полномочиями атаковать террористов при помощи дронов. При Обаме разрешалась только разведка – и цэрэушникам приходилось выкручиваться. Теперь они могут ликвидировать кого угодно и где угодно и в отличие от Пентагона не обязаны отчитываться в количестве уничтоженных террористов. С МИ-6 ситуация сложнее. Порой действительно может создаться впечатление, что эти ребята не ловят мышей...

Начальник управления замолчал, погрузился в задумчивость. Остальные тактично помалкивали. В туманном Альбионе действительно происходило что-то неладное. И внимание российской разведки (и примкнувших к ней структур Антитеррора) к данному региону было понятно и объяснимо. Протекали настораживающие процессы, на которые местные спецслужбы закрывали глаза. Создавалось впечатление, что, как и тридцать лет назад, они считают единственными в мире террористами Ирландскую республиканскую армию, а угроза радикального ислама – надумана. Мол, дальше призывов и лозунгов не пойдет. Еще пятнадцать лет назад в это реально верили. Переполох, наделанный «Аль-Каидой» в 2005 году в Лондоне, стал для них шоком и откровением. Взорванные станции метро, десятки погибших. Разве могут мусульмане устроить такое в стране, где четверть населения – их люди? Видно, до сих пор не верят. 22 марта некий психованный Абу с британским паспортом (чью связь с ИГИЛ не доказали, но те с радостью приписали себе акцию) сбивал машинной прохожих на Вестминстерском мосту, съехал к зданию парламента, бился в решетку. Убил ножом полицейского. Четыре трупа, десятки раненых. Полицейские застрелили его, не дав прорваться в Вестминстерский дворец. А будь намерения серьезнее, машина мощнее, пара приятелей в салоне с автоматами и гранатометами? Прорвались бы как миленькие, на неделю обеспечив мировые СМИ горячими новостями. Где спецслужбы? Почему даже здание парламента не могут обезопасить? Что уж говорить о всей остальной Англии. До сих пор не верят, что такое возможно? Может, Евротоннель чему-то научит?

– Где-то в Шотландии, товарищи офицеры... Мы не знаем пока, где... – неуверенно начал Володарский, откашлялся, – расположена база исламских террористов, с которыми сотрудничают их пока не установленные «европейские партнеры». Туда стекаются так называемые беженцы. У Шотландии есть своя квота по приему иммигрантов с Ближнего Востока, вот этой возможностью наши анонимные европейские «товарищи» и пользуются. Видимо,

есть возможность «пробить» именно тех, кто нужен. Точное место рассадника неизвестно. Предположительно, северное или северо-восточное побережье Шотландии. Людям делают документы, «легенды». Добываются взрывчатка, оружие. Возможно, там же – тренировочный лагерь, где кандидаты проходят подготовку – в том числе психологическую. Имеется информация, что на базу частенько наведывается Сайдулла. Отсюда делаем вывод: у преступников надежное прикрытие, местечко уединенное, что в Шотландии не редкость, но с транспортом все в порядке, полиция – в кулаке, а местным жителям плевать. Им всегда плевать, пока их самих не коснется. Мы работаем с СВР, поэтому в курсе.

– Находясь в Шотландии, несложно подготовить теракт в Лондоне – если он их, конечно, интересует, – усмехнулся Глушко. – Отношения шотландской полиции с МИ-6 – отдельная смешная тема.

– И не только в Лондоне, – согласился Володарский. – При условии транспортной доступности базы – автомобильный, морской транспорт, малая авиация...

– Откуда информация по Шотландии, Александр Михайлович? – спросил Глушко.

Володарский неторопливо обзвел присутствующих. Эти люди имели допуск к информации любой категории секретности, и он им доверял. Последние годы показали – это именно те люди, с которыми он пошел бы в разведку.

– Переходим к главному, – помедлив, сообщил Володарский. – Информация от Паскаля трехдневной давности, посланная Каманину в СВР. Паскаль успел ее передать, сообщив, что позднее расширит и конкретизирует. На следующий день было доставлено новое сообщение. «Почерк» Паскаля, но вот способ донесения... напрямую, с какого-то случайного телефона, явно позаимствованного у первого встречного. Мы проверили этот телефон, он принадлежит обычному охраннику из галереи «Тейт-Модерн». Паскаль скинул сообщение, что имеет горячую информацию об интересующей нас европейской организации и ее арабских сообщниках. Фамилии, адреса, планы. Но в данный момент у него связаны руки, за ним следят, он считает, что подвергается опасности, и это не МИ-6. При этом информация не вся, он рассчитывает в ближайшее время ее пополнить до разряда шокирующей. Все его средства связи ненадежны, а за ним следят...

Володарский сделал паузу, он хмуро разглядывал своих подчиненных. Эти люди были в курсе. Управление по противодействию террору сотрудничало со Службой внешней разведки. Алекс Фридман с позывным Паскаль был агентом глубокого внедрения СВР, проживал много лет на постоянной основе в Лондоне. Он имел хороший дом в центральном Кенсингтоне, недалеко от Холланд-парка, семью, собственный отлаженный бизнес по продаже недвижимости в приличных районах Лондона. В английскую столицу он переехал из Канады шестнадцать лет назад, врос в нее всеми корнями, увлекся коммерцией – при этом никогда не забывал, где и кем он работает на самом деле. Самое смешное, что ему и фамилию менять не пришлось. Александр Львович Фридман, рожденный в Одессе в 1964 году, окончил высшую школу КГБ. Развал Союза встретил в Дании, где выполнял оперативную работу с английским паспортом. На родину его решили не возвращать (да Александр Львович и не рвался), переехал в Бирмингем, осел, женился на женщине, эмигрировавшей с родителями из Советского Союза. Много лет успешно выполнял задания «конторы» – в Великобритании, США, Канаде, снова в Великобритании. Его ни разу не пытались перевербовать, ни разу он не находился под подозрением. Превратился в завязатого лондонца, ухитрился совмещать коммерцию с основной работой. Его истинное лицо было известно ограниченному кругу лиц. И если уж он ухитрился попасть на крючок – то, видимо, противник оказался весьма достойным...

– А теперь неприятная новость, – скрипнув зубами, сказал Володарский. – Алекс Фридман скончался вчера вечером в собственном доме, где ужинал с друзьями. Что-то съел или что-то выпил... Судороги, внезапная остановка сердца. Полицейский медик склоняется к

версии инфаркта: сердечная атака, как они говорят, у мистера Фридмана явно были перебои с сердцем, о которых он умалчивал. Семья и гости в шоке. Попробуй разберись, что там произошло на самом деле... Возможно все, человек не молод, но как удачно, согласитесь? Имеет горячую информацию, которую не успевает передать, поскольку умирает на ровном месте. Вероятность того, что это случайность, крайне ничтожна и стремится к нулю. К тому же человек боялся за свою жизнь. Похороны Фридмана состоятся завтра днем на кладбище Брайчестер на Эбби Корнел Роуд. По понятным причинам мы не можем везти тело в Россию. Неясной остается дальнейшая судьба вдовы Эммы и их общей семнадцатилетней дочери Анны...

Присутствующие потрясенно молчали. Одним ударом обезглавить лондонскую агентау... Умер свой человек – уже плохо. Умер в принципе незаменимый, глубоко внедренный агент, носитель информации, от которой, без преувеличения, могут зависеть судьбы мира, – плохо вдвойне.

Секундная стрелка на настенных часах сухо щелкала, отмеряя мгновения.

– Это ужасно, Александр Михайлович... – выговорил, скрипнув челюстью, Глушко. – Паскаль где-то промахнулся, подставил себя... Такой опытный агент...

– Это явно не МИ-6, – вздохнул полковник Панчехин. – Те бы арестовали, раструбили по всем СМИ... Алекс точно вышел на след...

– Кто в курсе из домашних Фридмана относительно его деятельности? – спросил Синявин. Он уже догадывался, что будет дальше.

– Знала жена Эмма – разумеется, без подробностей, вместе они не работали. Знает горничная Франческа Микош – она периодически выполняла мелкие поручения Фридмана. Эта особа постоянно была при нем, работала по дому, он платил ей тысячу фунтов в месяц. Уроженка Чехии, тридцать лет, не замужем, СВР завербовала ее семь лет назад, когда девушку в очередной раз отчислили из университета Менделя в Брно. Наши спецразведки в ней нужные задатки. В доме Фридмана она работает четыре года, никаких нареканий. Фактически член семьи. Сдать агента она не могла – по английскому законодательству Франческа светил бы колоссальный срок. Впрочем, нам из Москвы трудно судить, что там произошло...

Володарский пристально уставился на полковника Синявина. Последний подобрался.

– Полагаю, Михаил Евдокимович, вы по-прежнему курируете группу «Манул» майора Корнилова, – генерал не спрашивал, он констатировал.

– Так точно, товарищ генерал-полковник.

– Тогда вы уже все поняли. Где сейчас Корнилов?

– Выполняет задание в Брюсселе, Александр Михайлович. Небезызвестный район Моленбек Сен-Жан, самая исламизированная коммуна Брюсселя. Согласно «легенде», он представитель одной из криминальных группировок Мюнхена, прибыл для налаживания контактов с местными торговцами оружия. Имеется ниточка для выхода на Сайдуллу. Вчера был на связи, – Синявин усмехнулся. – Умудрился со своими людьми подраться в баре, куда прибыл для налаживания контактов с представителями турецкой диаспоры...

– Отзывайте Корнилова из Брюсселя, нечего по барам шататься, – распорядился Володарский. – Сайдуллы там нет. Уже к вечеру он со своими людьми должен быть в Лондоне. Переправляться по одному. О «легенде» пусть сам позаботится – некогда выдумывать ему биографию. Человек опытный, справится. Вдове Фридмана сейчас тяжело, но нам придется поставить ее в известность, чтобы не случился конфуз. Попытаемся это сделать через горничную Франческу. Даю неделю, больше не могу. Пусть твои подопечные крутятся – лишь бы не выходили из образа. Первое: по возможности прояснить обстоятельства гибели агента, предоставить версии, кто к этому может быть причастен. От виновного может потянуться ниточка. Второе: информация, которую добыл Фридман. Агент не первый год работал, мог отличить пустышку от стоящих сведений. Если информация была в голове агента, то все

печально. Но он мог загнать ее на носитель и спрятать в доме. Мог поделиться, в качестве исключения, с женой или горничной...

– Почему он не мог ее отправить? – недовольно спросил Панчехин. – Ведь в экстренном случае разрешается пользоваться открытым каналом.

Володарский стерпел, что его перебили.

– Мы не знаем, Юрий Евгеньевич. Гадать – неблагоприятное занятие. Информация могла идти крупным файловым массивом, это мог быть даже не файл, мы не знаем, что именно. Допускаю, что компьютеры в доме и в кармане Фридмана дистанционно взломали, и их использование исключалось. Равно все ему принадлежащие «облака» и прочие хранилища. Возможно, агент решил выждать, не ожидая, что от него так скоро избавятся... Пусть действует осторожно ваш протеже, Михаил Евдокимович. Если информацию не прибрали плохие парни, то они ее ищут, и тогда опасность угрожает всем домашним. И третье: проработать версию с базой террористов в Шотландии. Корнилов должен выяснить хоть что-то. Если без сведений Фридмана мы еще можем прожить, то этот объект нужно обязательно локализовать и уничтожить – неважно, чьими руками. Мы не можем ждать, пока они спланируют теракт в России – наподобие того, что они проделали под Ла-Маншем. Можете идти, Михаил Евдокимович, готовьте Корнилова. Если могу помочь – обращайтесь. К остальным просьба задержаться...

Глава вторая

Пятница, 12 мая

Шенгенская виза и фальшивое удостоверение сотрудника Секретной службы приятно грели карман. Дневная температура в Лондоне в первой декаде мая достигала +17 градусов по Цельсию. Стояло безветрие, дождик прекратился, периодически выглядывало солнце. И все же для комфортного состояния организма пары-тройки градусов не хватало. Командир группы «Манул» майор Андрей Корнилов сидел за рулем арендованного серого «Плимута» – Grand Voyager 2001 года, наслаждался свежим кладбищенским воздухом. Машина стояла на краю аллеи. Майор курил, выбрасывая пепел в открытое окно, размышлял о сиюминутности всего живого. Пальцы постукивали по рулю. Он был еще молод (35 лет), подтянут, спортивно сложен, носил строгий темно-серый костюм, идеально сочетающийся со светлыми волосами и интеллигентным лицом. За спиной шумела Эбби Корнел Роуд, прорезающая северо-западные районы города. Гудел Лондон – глобальный город высшего ранга, ведущий мировой финансовый центр. А здесь, на кладбище Брайчестер, в окружении древних дубов, буков и кленов, было неестественно спокойно. Потускневшие памятники с каменными крестами, ухоженные газоны, вмятины в асфальте, позеленевшие деревья, старые замшелые склепы, льнувшие к небольшим холмам, – все взывало к раздумьям и навевало минор. Майор на минуту закрыл глаза. Как в песне: «Я очумел от перелетов». Работу в Моленбеке по приказу начальства пришлось сворачивать, приводить себя в нормальный вид. Драка в заведении на окраине коммуны группу, конечно, не украсила, хотя отдельные физиономии – вполне. Не поняли друг друга с горячими парнями в коротких кожаных куртках. Он бросил своим, чтобы не бились всерьез, отходили на парковку. Дай волю этим драчунам – они и заведение без оружия разнесут, и половину Моленбека! Тяжесть кулака, убедительно данная в ощущениях, еще чувствовалась. Успел отклониться, а то бы получил в «десятку», но на щеке осталась небольшая «потертость». Разозлился, ответил несимметрично. В какую больницу увезли пострадавшего, он уже не знал – бежал из квартала, сгорая от стыда. А потом в гостинице дал волю чувствам, перейдя на язык Алексея Некрасова и Сергея Шнурова – когда отмылся и запудрил «потертость». В целом, ничего страшного. Если не знаешь, то и не увидишь. Повторить попытку не успели – звонок начальства, другое задание, имидж, место действия. Паспорт на гражданина Аргентины Йоганна Шульца мог оказаться засвечен, пришлось использовать другие документы. В самолет, летящий из Брюсселя в Дублин, он сел как Йоганн Шульц, пришлось рискнуть. А уже в Хитроу на трап самолета ступил жутко занятой клерк из Сити по имени Мартин Гринфорд. Багажа, помимо ручной клади, не было, сразу побежал ловить такси, пройдя все положенные «авиационные» процедуры. Летели кто как, паровозиком, друг с другом не контактировали. Смолич – через Берлин, Веприн и Полянский – из Антверпена...

Месяц назад, всякий раз, когда он закрывал глаза, являлся образ «полевого агента» ЦРУ Норы Дэвис. Почему она постоянно являлась, чем он так понравился этому образу? Нора печально шутила, пристально глядя ему в глаза, – словно ждала какой-то сакраментальной фразы. Потом этот образ стал возникать через день, через два. Потом являлся лишь по «желанию», потом и вовсе стал сходить на нет. Забывалось лицо, забывались повадки, неизменный критический настрой по отношению ко всему русскому и искреннее недоумение, почему она спит с этим парнем и какая дьяволищина тянет ее к нему?

Андрей открыл глаза. Перемен в антураже не наблюдалось. По аллеям мимо старых каменных могил ходили люди. На лавочке, вросшей в землю, отдыхала молодая семейная пара с коляской. Рыжий детина развалился, забросив руки за спинку. Худенькая девушка что-то поправляла в коляске, сюсюкала со своим первенцем. В «дикой» России семейным

людям никогда бы не пришло в голову проводить досуг на кладбище. Здесь это считалось нормой. Люди приходили, отдыхали, наслаждались тишиной и природой, с интересом разглядывали старые могилы. Кто-то автомобильной щеткой оттирал грязь с памятника, чтобы прочесть надпись. Андрей повернул голову, устремил взгляд за редкие деревья. Под кронами дубов, в причудливом переплетении света и тени, проходила похоронная церемония. У разрытой могилы произносил дежурно-прочувствованную речь пресвитерианский священник – пожилой, плешивый, в черном потасканном одеянии с белым воротничком. Мялись люди в темных одеждах. Их было немного, десятка полтора. Коллеги, немногочисленные родственники. Церемония еще не завершилась. Плакала женщина – она стояла впереди всех, сутулилась. Ее под руку держала девушка, стройную фигурку которой не смогли бы испортить никакие скорбные одежды.

– Алло, бойцы, – Андрей постучал по миниатюрному микрофону в ухе. – А ну, не спать на рабочем месте. Все здесь?

– Кто здесь? – ужаснулся Генка Смолич. – А, товарищ майор... Вы ли?

– Перестань паясничать.

– Здесь мы, командир, куда мы денемся, – вздохнул капитан Алексей Веприн. – Обеспечил ты нам досуг. Надеемся, когда-нибудь тебя посадят – за жестокое обращение с подчиненными... Скучаем во всех концах, смотрим, размышляем...

– Я тут подумал, командир, – подал голос Максим Полянский. – Жизнь, конечно, штука прикольная, но одного раза – явно недостаточно. Как ты считаешь? Не успеешь прочувствовать – как бац...

– По сторонам смотри, головой думай и не будет тебе бац, – проворчал Андрей. – И помрешь в глубокой старости, в окружении внуков, правнуков и надоевшей жены.

– Ну, это тоже неинтересно...

– А тут неподалеку крематорий, – сделал ценное наблюдение Смолич. – Схожу, развеюсь...

Хихикал циничный народ. Временами складывалось впечатление, что они и на собственных похоронах будут глумиться и зубоскалить.

– Что по делу? – строго поинтересовался Андрей.

– У меня все тихо, – откликнулся Веприн.

– И у меня, – не преминул Полянский. – Странная привычка у этих англосаксов. Для них кладбище – это парк, где можно гулять и наслаждаться идиллией. То, что под ногами мертвые люди, голову не парит. Все спокойно, командир.

– А у меня событие, – вдруг сказал Гена Смолич. – С моей стороны за спинами людей – поляна под уклон. Памятники в несколько рядов – мощные такие, каменные. Все чинно в ряд, по евростандарту. От аллеи все видно. Здесь машины участников церемонии. Подъехал черный «Ровер», но не паркуется, стоит посреди аллеи. Значит, скоро уедет... Номер отсюда не вижу, соседний седан закрывает. Опускаются боковые стекла, появляются две мужские рожи...

– Это что за триллер в прямом эфире? – напрягся Андрей. – Надеюсь, вместе с рожами не появляются автоматные стволы?

– Нет, они просто смотрят. Нескорбящие они какие-то. Один постарше, другой молодой, побритый в отличие от первого... Не скажу, что вылитые исламские террористы, но ребята определенно восточного типа...

– Сфотографируй их, – встрепенулся Андрей.

– Ага, уже... Разрешение нормальное, все будет четко. А поедут – еще и номер сфотографирую. Впрочем, ясный перец, что номер никуда не приведет... Они еще здесь, командир, – поставил в известность Смолич после долгой паузы. – Тупо смотрят и ничего не делают. Ан нет, они еще и говорить умеют! Закрывают стекла, сейчас поедут...

– Ты рядом с тачкой? – опомнился Андрей.

По прибытии в Лондон арендовали две машины. Для себя невзрачный «Плимут», парням – не менее невзрачный «Ситроен» лохматого года выпуска.

– Я в ней, – усмехнулся Смолич.

– Следуй за «Ровером», – приказал Андрей. – Глаза не мозоль, но и не отставай. Срисуй номер. Запомни адрес, где высадятся. Пошатайся там... Куда возвращаться, ты знаешь. И не упусти их.

– Помни, Геннадий, что твой авторитет уезжает вместе с этой машиной, – усмехнулся Полянский.

– Я вернусь, ребята... – мелодраматично выдохнул Смолич. – Я как Карлсон – обязательно вернусь...

– Клоун, блин, – проворчал Веприн.

Продолжалось пустое времяпровождение. Впрочем, оно не затянулось. Церемония прощания с телом подошла к концу. Испарился священник. Люди блуждали между деревьями, распадались на кучки, потянулись ручейками к выходу на аллею. Припаркованный транспорт стоял на примыкающей дорожке. Андрей вышел из машины, зашагал к повороту. За изгибом аллеи он сбавил скорость, ушел с проезжей части. Приближалась вереница припаркованных автомобилей. Люди в темных одеждах выходили из-за памятников. Кто-то неловко мялся, другие подходили к скорбящей вдове, выражали ей слова сочувствия. Женщина уже не сутулилась, распрямила плечи, подняла на скромную шляпку сетчатую вуаль. Невысокая, но фигуристая девушка продолжала поддерживать ее под локоть. Андрей остановился, закурил, терпеливо ждал. Степенная пожилая пара направилась к машине. Молодая девушка с темными волосами и остреньким носом приобняла женщин, застыла на минуту и, шмыгая носом, направилась к терракетовому «Мини Куперу». К парочке приклеился статный седоволосый мужчина, но вдова ему что-то сказала – тот замаялся, неловко улыбнулся и двинул прочь. Высокая статная женщина с поджатыми губами, ее сопровождал пухлый господин с постной миной – и у них нашлось несколько слов для вдовы. Одиноким представитель сильной половины человечества в дорогом костюме и позолоченных очках – говорил прочувственно, вдова кивала, а девушка, держащая ее под руку, поглядывала с неприязнью и нетерпением. Вскоре и этот господин подался к машине. Женщины остались одни. Видимо, вдова не хотела никого видеть. Во всяком случае, сейчас. Она заплакала – беззвучно, затряслись плечи, она закрыла лицо ладонями. Девушка обняла ее, тоже заревела. За ними следила молодая женщина со скуластым вытянутым лицом. Одета просто, она стояла в стороне, переминалась. Настроение у особы тоже было не праздничное. Она встретила глазами с Андреем, помедлила и кивнула. Словно поздоровалась. Он тоже кивнул – поскольку был воспитанным человеком. Особу он не знал, но уже догадывался, кто она такая. Женщины тем временем успокоились, направились к дорожке. За ними тронулась скуластая особа. Из черного «Ягуара» выбрался шофер в «ритуальной» форме, открыл заднюю дверь. Андрей пошел наперерез, надевая на лицо траурную мину. Женщины заметили его, остановились. Вдове Эмме, согласно информации, было сорок восемь. До вчерашнего дня она прекрасно выглядела – фигура без изъянов, крашенные пепельные волосы, ямочки на щеках, красивые серые глаза. Но сегодня она была вся серая, углубились морщинки в уголках губ и глаз. Глаза еще не высохли, смотрели равнодушно. Остались круги под глазами после бессонной ночи. Съежилась девушка, настороженно смотрела на незнакомца. Позавчера она, по-видимому, тоже была хороша: симпатичная курносая куколка – большеглазая и с ярко выраженным для ее возраста бюстом. Сегодня все сломалось, привычный мир рассыпался. Ее лицо было темным, как туча, зависшая над кладбищем. Глаза растерянно блуждали, она вздрагивала. Согласно «памятке», этой девице до совершеннолетия оставались пять долгих месяцев.

– Эмма, здравствуйте, прошу прощения, я Мартин Гринфорд, – тактично поздоровался Андрей. Он не мог похвастаться блестящим оксфордским произношением, но коренной британец никогда бы не счел его чужаком.

Эмма нахмурилась, ее глаза отрешенно скользили по незнакомцу. Память работала, но не так быстро, как хотелось бы.

– Я Мартин Гринфорд, – повторил Андрей. – Двоюродный брат Алекса, я вчера вам звонил...

– О Иисусе, конечно же, простите меня... – выдохнула Эмма. – Я помню, от вас... вернее, вы вчера звонили... Мы так давно с вами виделись, Мартин, я вас практически не помню...

– Я тоже, к сожалению... Печально, что мы увиделись именно в такой трагический день. Эмма, мне так жаль, я искренне соболезную, нам всем так будет не хватать Алекса. Он был замечательным человеком, мы будем помнить его всегда...

У Эммы задрожали губы, слезинки искрились в глазах. Она прекрасно знала, что никакой он не брат. Инструкция прошла через Франческу, горничная передала вдове. Андрей украдкой скосил глаза. Скуластая особа стояла в стороне, созерцала ближайшую могилу, делая вид, что происходящее к ней никак не относится.

– Брат папы? – растерянно пробормотала девушка, облизнула губы, которые и без ботокса имели идеальные линии. – Но папа никогда не говорил, что у него есть брат... Откуда брат? Мама, кто этот человек?

– Познакомьтесь, Мартин, это наша с Алексом дочь Анна, – печально вымолвила Эмма. – Сейчас каникулы, а вообще она обучается в престижной школе Хайкли и на следующий год планирует поступать в колледж – мы пока не решили, в какой именно. Будет хорошо учиться – подумаем насчет Оксфорда или Кембриджа...

– Очень приятно, Анна, – вяло улыбнулся Андрей. – Я помню тебя маленькой крошкой, тебе, наверное, не было и шести. После этого, к сожалению, мы больше не виделись. Так сложилась жизнь, Анна, что с твоим папой у нас были не очень хорошие отношения. Пару раз обменивались письмами, однажды я ему звонил... Неудивительно, что он никогда обо мне не рассказывал. К тому же у каждого своя жизнь...

– Разгрызлись? – криво усмехнулась девушка. Она, возможно, почувствовала фальшь, разглядывала самозванца исподлобья, с растущей неприязнью. – Из-за чего – из-за денег? Из-за женщины?

– О, да ты уже взрослая, – оценил Андрей. – Учишься говорить откровенно, без обид.

– Анна, перестань, – одернула девочку Эмма. – Что ты себе позволяешь? Как ты разговариваешь со своим родственником? Ты его совсем не знаешь.

– Ты тоже, – отрезала девочка. – А вот папа, кажется, знал... – Она дерзко посмотрела Андрею в глаза. Ох уж этот подростковый максимализм...

– Все в порядке, Эмма, я не в обиде, поскольку заслужил. Слишком поздно понимаем, что наделали в жизни ошибок... Увы, Анна, я действительно твой дальний родственник, старший сын дяди Кельвина, который тоже не очень-то меня признавал (Старший сын – первый блин комом? – мелькнула юмористическая мысль.) Не волнуйся, Анна, я не претендую на ваше имущество – своего хватает.

Некий «дядя Кельвин» действительно в природе существовал (странный англичанин под «легендой» не имеет родню), но давно почил, будучи в неведении о своем лондонском «родственнике». Два его сына (тоже реальные персонажи) также скончались – один в аварии, другой на пожаре.

– Как скажете, мне-то что? – пожала плечами Анна. – Только не надейтесь, что я вас буду называть «дядя Мартин». Вы откуда, кстати?

- Престон, – пояснил Андрей. – Там работаю и живу с семьей.
 - А занимаетесь чем?
 - Тружусь, так сказать, э-э... в сфере финансовых услуг.
 - Понятно, – девушка пренебрежительно вздернула нос и скорчила такую гримасу, словно ей действительно все стало понятно.
 - Не обижайтесь на Анну, Мартин, хорошо? – Эмма грустно на него смотрела. – Вы должны понимать, что сейчас с нами всеми происходит...
 - Успокойтесь, Эмма, я все понимаю.
 - Вы не очень спешили на похороны, – подметила девушка. – На отпевании в церкви вас не было, на церемонию прощания опоздали...
 - Каюсь, Анна, раньше не получилось.
 - Вы где остановились, Мартин? – спросила вдова.
 - О, не волнуйтесь. Это вполне приличный отель на Хьюго-Роуд.
 - Знаете, Мартин, я тут подумала... – вдова колебалась. – Мы не будем устраивать пышные поминки, от всего этого так горько... К вечеру соберутся только близкие друзья, будет небольшой поминальный ужин... Как странно, – усмехнулась Эмма. – Мы пригласили именно тех людей, что были у нас в гостях ровно два дня назад... Приходите в семь часов вечера, Мартин, посидите с нами?
 - Ну, мама... – как-то обиженно заныла Анна, но вдова ее пихнула в плечо.
 - Почему бы нет? – Андрей соорудил располагающую улыбку. – Конечно, Эмма, я подойду. Не волнуйтесь, мой визит не затянется.
- Он курил, отойдя к обочине, смотрел, как скорбящие дамы садятся в машину. Водитель захлопнул дверь, побежал на свое место. Рядом с ним пристроилась, бросив искрометный взгляд на Андрея, скуластая женщина. Машина плавно оторвалась от обочины, покатила по дорожке, набирая скорость. Через минуту округа опустела. Подул ветерок, зашевелились ветки кустарника у каменных могил. Прохожих не было, только чья-то сутулая спина исчезала за изгибом аллеи.
- Можешь не вертеться, командир, – раздался в ухе ворчливый голос Веприна. – В округе никого, кроме нас, только мертвые с косами... Ты уже вхож в дом?
 - Да, меня пригласили на поминальный ужин, – признался Андрей. – Больше ничего подозрительного не увидели?
 - Вроде все тихо. Но знаешь, нам трудно заглянуть в душу каждому прохожему...
 - Смолич не вернулся?
 - Он уехал десять минут назад, что ты с него хочешь?
 - Хорошо, дождитесь его, погуляйте по кладбищу, потом дуйте в офис и там сидите.
 - Куда? – не понял Веприн. – А, извини, не сообразил... А ты куда?
 - В МИ-6, сдаваться, – пошутил майор Антитеррора.

До вечера майор Корнилов в отрадном одиночестве гулял по городу. Хотелось отвлечься, забыться, прочистить голову, загруженную мусором. Он отогнал «Плимут» на угол Квин-Гейт-Гроув и Скрэндж, поймал старомодный кеб, пятнистый от шашечек, покатил на нем через центр. Пятница, послеобеденное время – Лондон был забит. Он бывал в этом городе несколько раз – это был прекрасный город, если не брать в расчет блочные массивы на окраинах и не всматриваться в лица прохожих. Он высадился у Тауэрского моста, выложив пожилому пакистанцу немалую сумму, пожелал приятного завершения дня. Поглазел на древнюю крепость-музей, величаво возвышающуюся над Темзой, двинулся пешком по набережной. Гудели баржи и пароходы, над городом висела сизая дымка. Вспомнился «Великий смог» 1952 года – когда зловонная смесь тумана и дыма промышленного происхождения из рабочего Ист-Энда накрыла Лондон, как знаменитая «Мгла» Стивена Кинга. Пять дней

город пребывал в сумраке. Концентрация в воздухе продуктов горения просто зашкаливала. Дышать было нечем, люди замертво падали на улицах. От ядовитого смога погибли четыре тысячи человек – и это только в первые дни. Потом скончались еще восемь тысяч, множество людей стали инвалидами. Властям пришлось всерьез заняться проблемой, выпустить закон «О чистом воздухе». И все равно зараза присутствовала даже через 65 лет. Смог ощущался – от него не спасали ни парки, ни суровые нормы пресловутого «евростандарта».

Неприятный запах шел и с реки, которая в центре города отнюдь не выглядела кристально чистой. Он вышел на Биворд-стрит, смешался с толпой. Майор российского спецназа выглядел как лондонский денди. Впрочем, это и привлекало к нему внимание. Все суежились, куда-то бежали, а он гулял прогулочным шагом, глазел на достопримечательности. Разношерстная толпа обтекала его, как река скалу. Он шел мимо высоток Сити с его знаменитым «яйцом» – небоскребом «Мэри-Экс», миновал Лондонский мост, Саутвэрк. Прогулялся по аристократической Флит-стрит, красной от двухъярусных автобусов и телефонных будок, выпил кофе в маленьком кафе, украдкой посматривая по сторонам – не приклеилась ли «наружка». Слежки, в первом приближении, не было. Но обязательно появится – вопрос лишь, где, когда и в каком облики. Он шел мимо Королевского судного двора, Королевского колледжа. Свернул у Трафальгара на помпезную Уайтхолл, с отдельных участков которой просматривался «Лондонский глаз» на другом берегу Темзы – мощное колесо обозрения с прозрачными капсулами-кабинами. Он вышел на гудящую Бердкедж Уолк – в самом сердце британской столицы, – поглазел на башню Биг-Бен, на Вестминстерский дворец, одноименное аббатство. До конца улицы он проехал на кебе, постоял у Букингемского дворца, критично подмечая недочеты охраны. Потом пристроился на лавочку в обширном Грин-парке. Из последнего перетек в Гайд-парк, где, как обычно, митинговали люди, а на лужайках валялась босоногая молодежь, плевать хотевшая на международную политику и место Британии под солнцем...

Временами приходили сообщения: «Сидим в офисе. Тоска зеленая». Он ухмылялся, поглядывал на часы. Похоже, Генка Смолич, погнавшись за «Ровером», вытянул пустую карту. В шесть вечера он вышел из парка и стал углубляться в кварталы центрального Кенсингтона, застроенного симпатичными «викторианскими» домиками. День кончался, все парковки были забиты. Он вывел «Плимут» из кармана на углу Скрэндж и Квин-Гейт-Гроув, медленно повел ее по последней. Улица была неширокая, две машины с трудом разъезжались. Много зелени, стриженные кусты, узкие тротуары, вымощенные потрескавшейся плиткой. За чугунными оградами высотой в половину роста прятались дома из белого камня. Белые каменные клумбы, белые арки. Архитектура строений не пугала воображение, но и не выглядела типовой. Вычурные портики, пилястры, колонны, подпирающие фасады. Между зданиями и оградой простирались дворiki – у кого-то крохотные, у других просторные, вполне подходящие для парковки нескольких машин и барбекю с друзьями. У нужного дома под номером 24 он прибавил скорость – незачем раньше времени мозолить глаза. Двухэтажный псевдовикторианский особняк был утоплен в маленький парк. К крыльцу вела аллея с высокими белокаменными бордюрами. Решетчатые ворота для въезда машин были закрыты. Особняк не подавал признаков жизни.

До конца улочки оставалось два здания. Дальше находилась миниатюрная площадь с клумбой. На обратной стороне – опрятное здание переменной этажности. Вход туда был свободным. В здании размещались несколько фирм. А в самой высокой части, похожей на недостроенную башню, «неустановленное» лицо сняло группе помещение «под офис». Отсутствие «жучков» и камер арендатор гарантировал. Из окна открывался вид «в изометрии» на 24-й дом по Квин-Гейт-Гроув. По кольцу, словно лошадки по детской карусели, плавно кружили машины. Андрей пристроился в компанию, стал искать место для парковки. Не к месту всполошился телефон.

– Командир, ты загулял? – по защищенному каналу осведомился Веприн.
– Места себе не нахожу, – буркнул Андрей.
– Ты взволнован? – удивился Веприн.
– Припарковаться негде, – уточнил Андрей. – Как пони, бегаю по кругу... – и устремился на парковочное место, которое покидал ярко-зеленый «Жук Фольксваген», ведомый пожилой автолюбительницей.

В здании имелся охранник – на вид пустое место. Андрей кивнул по-приятельски. Тот лениво улыбнулся. Лифт уже отключили. Он пешком взлетел в башню на четвертый этаж, отбил условный стук в массивную дверь. Звукоизоляция в здании была на высоте. Группа почивала на лаврах в полном составе! Скинули пиджаки, ботинки, развалились в креслах и на кушетках, тянули колу из бутылочек. Хорошо хоть, не пиво! Офис был как офис – аналогичные есть по всему миру: два стола, два компьютера, какие-то тумбы с оргтехникой, мусорная корзина, забитая скомканными упаковками от еды и пустыми бутылками. Дверь в санузел была приоткрыта – очевидно, «заведение» пользовалось успехом. Впрочем, видимость работы сохранялась: у окна за тюлевой шторкой стояла тренога с закрепленной в штативе телескопической трубой.

– Что это? – спросил Андрей, кивая на обломки стационарного телефона, сметенные в угол.

– Уронил, – шмыгнул носом молодой и ушастый Гена Смолич. – Я нечаянно, командир. Он ведь все равно раритет.

– И чувствуем себя из-за этого увальня настоящими русскими, – пожаловался рослый и смазливый Полянский. – Вообще-то здравствуй, командир. Что ты сразу в критику? Рассказывай, где был. Не подцепил какую-нибудь заразу из «европейских ценностей»?

– Странно, у него здоровый цвет лица, – констатировал Веприн. – После посещения кладбища это очень странно.

– Невероятно, – обозрел расслабившееся войско Андрей. – И это лучшие работники нашего предприятия? Доской почета бы вас по голове, товарищи офицеры. Давайте к делу, соберитесь.

– Мы собраны, – зевнул Полянский. – Ты просто не заметил. Готовы разрушать основы местной государственности и представлять угрозу конституционному строю.

– В этом королевстве нет конституции, – буркнул Андрей. – А если есть, то она неписаная.

– Серьезно? – удивился Полянский. – И ведь живут как-то... Но зато у них есть демократия. Ей мы и будем угрожать.

– Подумаешь, – пожал плечами Веприн, – в Советском Союзе тоже был демократический централизм. А значит, демократия.

– Ты еще древнюю Элладу вспомни, – фыркнул Смолич. – А ведь именно там изобрели демократию как продвинутую форму рабовладельческого строя. Но европейцам не надо об этом рассказывать, а то в шоке будут.

«Горе с ними, – подумал Андрей, подходя к телескопу. – Хорошо хоть не на звезды направили. Нужный объект теоретически находился под наблюдением». Смолич услужливо отогнул шторку. Андрей припал к окуляру. Оптический прибор был нацелен на 24-й дом по Квин-Гейт-Гроув. Приблизилась часть улочки, выщербленный тротуар. Крышу недавно перекладывали – смотрелась как новая. Особняк Фридмана на фоне прочих зданий выглядел не самым крупным. Но радовал архитектурной изящностью. Белый камень, декоративные балконы на втором этаже, полукруглые пилястры, симметричные крыльцу, внутри которых вполне могли прятаться альковы. Полукруглые окна оснащались резными карнизами, козырек крыши украшала лепнина – не вычурная, вполне пристойная. У человека, проектировавшего здание, имелось чувство меры. Участок окружали деревья. Позади особняка имелся

небольшой сад, пара вытянутых построек. Крышу прорезали трубы дымоходов – в доме имелись камин и разветвленная система вытяжки. Во дворе стояли две легковые машины. Подъехало такси, высадило статного седоволосого мужчину (он был на кладбище). Пассажир расплатился с шофером, зашагал к крыльцу. Ему открыла худая женщина со скуластым лицом – тоже знакомая личность. Гость растворился в доме. Горничная посмотрела по сторонам, закрыла дверь. «Что-то рано прибывают гости», – подумал Андрей, глянув на часы. Половина седьмого.

– Поначалу вообще никого не было, – сказал Веприн, – а потом началось паломничество. Видать, проголодались все разом. Девчонка прибежала с острым носом. Потом какая-то странная пара – эффектная рослая дама, а с ней плешистый мишка, которого проще перепрыгнуть, чем обойти. Потом лощеный такой господин в очках – сам собой налюбоваться не может – к дому подходил, девчонкам улыбался, которые мимо шли, а как к крыльцу приблизился, сразу траурную маску надел. Теперь вот этот – седой и благоволяющий к вдове... Вся компания, между прочим, была на кладбище. Не знаю, придет ли кто-то еще...

– И Эмма призналась, что, когда старуха с косой прибыла за Фридманом, в доме находились те же люди...

– О, назревает английский детектив в духе Агаты Кристи? – смекнул Смолич. – Как увлекательно. А нам позволено поучаствовать?

– Хрен вам, а не участие, – отрезал Андрей. – Сидите тут и несите службу. Откликаться по первому зову. А ты зачем мне зубы заговариваешь? – он пронзительно уставился на смутившегося Гену. – Проследил за фигурантами? Похвастаться нечем – признавайся?

– А то, – фыркнул Полянский, – имел бы, чем похвастаться, давно бы похвастался.

– А я виноват? – возмутился Гена. – Хочешь, казни, командир. Но я нормально висел у «Ровера» за задницей. Не засекли они меня, зуб даю. Ехали как-то сложно – через весь этот долбаный Лондон. Он ведь только в центре красивый и цивилизованный, а чуть вбок – так мама дорогая... Ладно, я не эстет. Обезжигали через северные кварталы для иммигрантов – я, хоть убей, не знаю их названий. Вышли на Кейбл-стрит, уже к востоку от Уайт-Чепел, с нее попали на Коммершиал-роуд, катили на восток, через Лаймхаус, Поплар. Потом оказались на Индиа Док Роуд. Там улица с названием Базели-стрит, я запомнил. Проезжая часть узкая, машины припаркованы. И фургон с этой Базели выезжает – неповоротливый такой, чуть не расталкивает всех. «Ровер» проскочил, а я уперся в фуру – и встал. Ну, и толку с ним ругаться? Все равно этот «Ровер» умчался. Я подождал, пока фура уйдет, порыскал по округе, но увы...

– На восток, говоришь, ушли... – задумчиво пробормотал Андрей. – Ладно, будем иметь в виду. Фото показывай.

– Ах да, – Смолич засуетился, вытащил телефон, – вот, смотри, командир...

Разрешение у фотокамеры было неплохое. Генка запечатлел физиономии обоих пассажиров. Пресловутая арабская внешность – куда же денешься от нее в продвинутом европейском городе? За рулем сидел и смотрел в окно молодой парень лет 20–22. Он чем-то напоминал Мансура Хамиля, которого группа «Манул» полтора месяца назад вытащила из дерьма и отправила в Москву служить «компьютерным стражем». Но явно не Мансур, хотя физиономия такая же тонкая, почти интеллигентная. Второй был раза в два постарше, видимо, плотный, упитанный. Он сидел на заднем сиденье и тоже смотрел в окно. По небритым губам плясала брезгливая ухмылка. Оба персонажа были незнакомыми. Андрей пожал плечами, вернул телефон владельцу.

– Номер срисовал, – добавил Смолич. – Но не знаю, как ты собираешься его пробивать. У нас тут никакой информационной поддержки.

– Диктуй, – проворчал Андрей, – есть у нас поддержка, – он выслушал номер, запомнил. – Счастливо оставаться, товарищи офицеры. И не балуйте мне тут...

Глава третья

Он мог все выяснить через полковника Синявина, но тоже считал потерей времени. Сто процентов, что знаки фальшивые или записаны на добропорядочного лондонца. Будет сделано, но не сейчас... Майор спецназа шел по узкой лондонской улочке и чувствовал какое-то неуместное волнение. Что такое? Не в бой же собрался. Скучное задание, в котором пригодятся не навыки спецназа, а умение себя вести в приличном английском обществе...

Еще не стемнело, но легкая хмарь уже оплетала город. С востока подбирались тучи, намекая, что возможен дождь. Прохожих было немного. Проезжали машины, вкрадчиво шелестя шинами. Он свернул с тротуара в узкий проход между каменными столбами, двинулся по дорожке к крыльцу. Мелкий гравий хрустел под ногами. Звякнул колокольчик. Открыла скуластая горничная в белом чепчике и таком же фартуке. Она мазнула смышленными глазками посетителя, оценила обстановку за его спиной.

– Мистер Гринфорд? – спросила она на всякий случай.

– Франческа Микош? – на тот же случай спросил он. – Вы не из Страконице?

– Нет, я из Остравы, – ответствовала горничная. – Добро пожаловать, мистер Гринфорд, – повысила она голос. – Проходите, пожалуйста. Если вам нужно помыть руки, то это за прихожей направо.

Пароль Франческе не требовался – ей хватало имени и примет. Но Андрею следовало убедиться. Женщина опустила глаза, заперлась за ним, шмыгнула в тускло освещенный холл. Андрей осмотрелся. Обычная прихожая – раз в шесть поболее стандартной. Из зала доносился приглушенный гул. Он воспользовался санузелом и вошел в зал. Здесь и проходил поминальный ужин. Обстановка не взывала к роскоши – покойный Фридман явно не был сибаритом. Все обыденно, функционально. Холл служил гостиной и столовой одновременно. Камин, кресла по углам, придвинутый к стене журнальный столик. В глубине холла просматривалась лестница на второй этаж. Проходы влево и вправо, за лестницей еще одна дверь. Центральная люстра не горела – работали тусклые лампы в канделябрах. Несколько человек в строгих одеждах сидели за сервированным столом. Блики света подрагивали на лицах собравшихся. Что-то тихо говорил лощеный мужчина в очках и дорогом костюме. Остальные мрачно ему внимали. Вдова в темной блузке сидела во главе стола. Эмма еще больше осунулась, глаза запали в глазницы. Красивые волосы были скомканы на затылке. Очкарик оборвал проникновенную речь. Все присутствующие повернулись.

– Добрый вечер, Мартин, – негромко сказала Эмма. – Хорошо, что вы с нами. Присаживайтесь, пожалуйста, – она кивнула на свободное место на другом конце стола – там возвышался нетронутый столовый прибор.

– Спасибо, Эмма. Добрый вечер, господа, – тактично поздоровался Андрей.

Вечеринка явно не богемная. Люди опустили головы, мрачно постукивали приборами, искоса поглядывали на незнакомого, но хорошо воспитанного господина. Очкарик не стал продолжать. Он отложил серебристую вилку, взял бутылку красного вина, пристроил к ней прибор со штопором. Пробка медленно выползала из горлышка. Гости зачарованно за ней наблюдали.

– Дон, мы еще не допили мускат, а ты уже «Шардоне» открываешь, – заметил бархатым басом седовласый мужчина.

– Хорошему вину надо дать подышать, – невозмутимо заметил очкарик.

«А хорошей девушке – раздеть и дать полежать», – мелькнула смешная мысль. Она отразилась на лице – насупилась дочь Фридмана Анна, сидящая напротив. Девушка участвовала в трапезе наравне со взрослыми. Впрочем, ребенком она уже не казалась. Пережить за последние 48 часов пришлось немало, и слезы еще не иссякли – блестели в глазах. Девушка

шмыгала носом. За спиной объявилась горничная – и возникло овощное рагу со стейком, от вида которого рот наполнился слюной. Но по правилам этикета не стоило хватать его руками и жадно впиваться зубами. Андрей неторопливо отрезал кусочки, отправлял их в рот, тщательно пережевывал. Мускат оказался терпким и приятно пощипывал язык. Седовласый мужчина посматривал на него с затаенным подозрением. Этот тип Андрею не понравился – слишком вкрадчивые взгляды бросал он на вдову. Возникло желание погрузить его физиономию в рагу. Но по правилам этикета этого тоже делать не стоило. Андрей покосился на камин – его венчала большая фотография в траурной рамке. Алекс Фридман иронично улыбался. У него были темные вьющиеся волосы, мясистый нос и окладистая символическая борода от уха до уха. Лично данного господина майору Корнилову не представляли, он даже не знал о его существовании (в отличие от Вернера в Германии), но был в курсе, что в Лондоне действует агент глубокого внедрения.

– Вы были знакомы с Алексом, мистер?.. Простите, не запомнил вашу фамилию, – шевельнулся седовласый господин. В нотках голоса пробивалось что-то ревнивое.

– Можно и так сказать, – учтиво улыбнулся Андрей. – Господин... э-э... простите, даже не знаю, как к вам обращаться.

– Я тоже прошу прощения, это моя вина, я вас не представила, – сухо произнесла Эмма. – Это Мартин Гринфорд, кузен Алекса. Он из Престона. Так уж получилось, что при жизни Алекс с Мартином почти не общались...

Девушка почти не ела, мяла салфетку, что-то царапала ногтем по хрустальному фужеру. «Почтенное» общество ее тяготило. С появлением Андрея необходимость присутствовать за столом стала тяготить еще сильнее. Она бы ушла, но палка была о двух концах – оставаться в одиночестве тоже не прельщало.

– Это Бенджамин Портер, друг нашей семьи и наш врач, – продолжала представлять Эмма. – Он медик самого широкого профиля – хирург, терапевт. Наблюдал нашу Анну, когда она болела ангиной и скарлатиной.

Седовласый господин с важностью склонил голову.

– Он проживает на Хелси-стрит, рядом с Гайд-парком, – монотонно говорила Эмма, – занимается частной практикой в собственной клинике. У него дочь учится в Блэкшире. К сожалению, несколько лет назад Бенджамин в страшной аварии потерял свою любимую жену Элизабет, с которой мы были очень дружны...

– Не надо про чужое горе, прошу тебя, Эмма, – проорчал Портер. – Сегодня мы поминем Алекса, мир его праху...

С точки зрения манер этот господин выглядел безукоризненно, но раздражал все больше. А Эмма, невзирая на небольшое к тому расположение, неплохо справлялась с отведенной ролью.

– Моя подруга Шелли Рубинштейн и ее супруг Марк. Мы знакомы много лет. Шелли занимается шитьем одежды, у нее свое ателье в Ноттинг-Хилл. Марк – юрист, старший партнер в одной широко известной юридической фирме.

– Ну, ты и скажешь, Эмма... – смущенно пробормотал лысоватый толстяк, стрельнул глазами в Андрея и снова уткнулся в тарелку. – Ума не приложу, что такого известного в нашей скромной фирме. Обычные гражданские иски, административные дела...

– Нам очень приятно, Мартин, – улыбнулась крупнотелая рослая дама с широким лицом. Внушительные габариты не мешали ей выглядеть грациозно и даже женственно. – Мы никогда о вас не слышали, как жаль, что встретились именно в этот печальный день. Вы чем занимаетесь в Престоне, Мартин?

– О, у меня небольшой бизнес, связанный с инвестициями в местную металлургическую промышленность, – приходилось врать «с колес», у Андрея не было ни малейшего представления ни об инвестициях, ни о тяжелой металлургии.

– Что вы говорите? – удивился прилизанный субъект в дорогом двубортном костюме. Корпус очков у него был покрыт золотым напылением. – А меня зовут Дон Лепард – спешу представиться, пока это не сделала Эмма. Я партнер Алекса, мы с ним много лет занимаемся... занимались – недвижимостью...

Оговорка не прошла незамеченной. Вздрогнули плечи Эммы. Дочурка Анна еще ниже наклонила голову.

– Прошу меня простить, – смутился Лепард. – Я живу в Челси, у меня половина дома на Джерси-Лейн. К сожалению, я человек не семейный, всю жизнь в работе, так сказать... – он как-то оценивающе мазнул глазами Андрея, и тот начал проникаться мыслью, что данный персонаж еще менее приятен, чем Портер.

– Вы теперь возглавите фирму, мистер Лепард? – поинтересовался Андрей.

– Ну, что вы, – очкарик смутился, – половина акций нашего агентства в любом случае принадлежит Эмме. Эмма и будет решать, как ими распорядиться. Мы с коллегами не станем возражать, если она присоединится к работе. Не сразу, конечно, ведь нужно оправиться от этого горя...

От внимания не укрылось, как Эмма стиснула зубы.

– И, наконец, подруга нашей Анны – Моника Родригес. – Эмма справилась с собой и представила последнюю участницу застолья – худенькую смуглую девушку с острым носом и вызывающими бусами из черного камня поверх кофточки с вырезом. Она вела себя довольно скромно, сидела рядом с Анной, ела немного, хотя часто прикладывалась к вину. Моника подняла глаза, улыбнулась Андрею. В глазах этой смуглой «старлетки» присутствовало что-то хищное. – Моника с родителями живет через дом от нашего, – пояснила Эмма. – Они переехали сюда два года назад – кажется, из Испании. Поправь меня, Моника, если ошибаюсь. Ее отец работает в административном совете нашего боро. Девочки очень дружны. Моника старше Анны на год, но обучается в том же классе и после окончания хочет поступать в тот же колледж, что и Анна.

– У меня была тяжелая болезнь, – Моника кокетливо улыбнулась, – оттого и потеряла год в школе.

– Что тяжелого в переломе ноги? – фыркнула Анна. – Провалилась все экзамены в кровати перед телевизором, вот и осталась на второй год. Ты даже не хромаешь.

– Я вылечилась, – сказала Моника. – Вот увидишь, Анна, мои оценки на выпускных экзаменах будут лучше твоих.

– Да, Моника способная девушка, – кивнула Эмма. – Мечтает посвятить свою жизнь юриспруденции – стать знаменитым адвокатом. Родители у нее демократичные, отпустили девочку к нам на ужин. Она сама вызвалась поддержать Анну в трудную минуту. Ближе к ночи мы проводим Моникау домой.

– Сама дойду, миссис Фридман, – небрежно отозвалась подружка. – Два дома, уж как-нибудь... Скажу вам по секрету, миссис Фридман, я тайно посещаю уроки женской самообороны, которые ведет миссис Хамильтон. Она считает, что я способная и могу постоять за себя. Только маме не рассказывайте, пожалуйста... – Девушка потешно сморщила нос.

– Надеюсь, Анна не посещает те же уроки? – насторожилась Эмма.

– Что ты, мама, – быстро сказала Анна, – мне бы и в голову не пришло. Я ведь так люблю фортепиано, народные кельтские танцы...

Словесные запасы иссякли. Воцарилось неловкое молчание. По лицам сновали сумрачные тени. Бесшумно перемещалась горничная с поджатыми губами. Она меняла столовые приборы, принесла фрукты, бутылку французского монастырского вина.

– Алекс так любил именно этот кагор... – у Эммы задрожали губы. – Он не очень жаловал вино, предпочитал дорогой односолодовый виски. Но если возникала необходимость

пить именно вино, он пил только этот кагор – из винограда Мальбек, выращенного в долине Ло...

Гости угрюмо молчали. Горничная наливала вино, оказывая Андрею не больше внимания, чем прочим. Она даже не смотрела на него.

– Давайте выпьем за Алекса... – прошептала Эмма. – Пусть ему там будет хорошо... Не надо чокаяться, пожалуйста... Алекс был не очень религиозным человеком, и все-таки я верю, что Господь найдет ему место в раю...

Тост не вызвал возражений. Доктор Портер вознамерился что-то сказать, но встретился взглядом с Моникой Родригес и передумал, нахмурился. Все сидели скованные, чувствовали себя неуютно. Эмме с каждой минутой становится хуже. На нее с растущим беспокойством поглядывала Анна.

– Эмма, ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку, – пробормотал Дон Лепард. – Мы не оставим тебя, ты должна это знать.

– Да, Эмма, считай, что мы члены твоей семьи, – как-то невпопад буркнул Портер. – Мы всегда поможем. Ты можешь звонить мне в любое время суток, если что-то понадобится...

– Приходи завтра в мое ателье, Эмма, – предложила Шелли Рубинштейн. – Мы подберем тебе новый деловой костюм. Можем сделать на заказ – ты будешь в нем неотразима...

– А давайте устроим барбекю в следующие выходные? – совсем уж невпопад предложил ее супруг Марк – и даже вспотел от собственной глупости. – Нет, серьезно, давайте соберемся у нас на заднем дворике, скромно посидим...

– Только и осталось, – Шелли свысока покосилась на суженого. – Мы усвоили твое предложение, Марк, можешь не продолжать.

Толстяк заерзал, смутно догадываясь, что ляпнул что-то неуместное.

– Анна, а давай завтра съездим в галерею Тейт? – предложила Моника. – Там снова выставили что-то убийственно постмодернистское. Нэнси Крюгер вчера ходила, потом визжала от восторга, хотя разбирается в современном искусстве, как я – в запекании яблок. Или давай сходим на выставку импрессионистов в Национальной галерее. Нэнси там тоже была, ее Серджио водил...

Водил ее Серега на выставку Ван Гога? Пришлось хорошенько сглотнуть, чтобы удержаться от смешинки. Обстановка не позволяла Монике показать всю свою натуру, но с «изюминкой» у нее все было в порядке. Хотя, возможно, это были тараканы.

– Нет, Моника, не стоит, – покачала головой Анна. – Я лучше побуду завтра с мамой. Ты уж сбегай в галерею с кем-нибудь другим, ладно?

– Ладно, – пожала плечами Моника, – без проблем, – и снова с пытливым и отнюдь не детским интересом стала поглядывать на Андрея. Он решил, что еще одним глупым высказыванием ситуацию не испортит.

– Эмма, прошу простить, я не совсем в курсе событий, – откашлявшись, начал он. – Но что случилось? Что говорит полиция? Какова официальная версия смерти Алекса?

– А при чем тут полиция? – насторожился Портер. – Смерть произошла из-за необратимого повреждения сердечной мышцы вследствие прекращения кровотока в коронарных артериях. Я склонен согласиться с выводами специалистов. У Алекса уже наблюдались первичные признаки сердечного недомогания.

– Спасибо, мистер Портер, я знаю, что такое инфаркт, – кивнул Андрей. – И понимаю, что в данный момент все обстоятельства случившегося пристально выясняются (интересно, где?). Однако, при всем уважении, я задал вопрос Эмме.

– Я не знаю... – Эмма вдруг прослезилась, руки упали на стол. – Видит Бог, я просто не знаю...

Она беззвучно плакала, опустив голову. Портер укоризненно посмотрел на Андрея и покачал головой. Анна обняла мать и тоже пустила слезу. Остальные подавленно молчали.

– Мне нужно выйти в сад, – вздохнула Эмма.

– Не возражаете, если составлю вам компанию? – Настало время усилить нажим, раздвинуть рамки учтивости и деликатности.

– Да, Мартин... – она помедлила, – если вам угодно...

В заднем дворике было тихо, уютно. Они стояли на краю террасы, обрывающейся к кустарнику, смотрели, как звезды высыпают на потемневшее небо. Двери в холл были закрыты, оттуда доносились приглушенные голоса. Район оказался тихим, соседи не раздражали. Женщина держалась за каменные перила, в полумраке было видно, как подрагивают губы.

– Господи правый, вся жизнь кувырком... Как же так? Алекс, родной мой... – она глотала слова. Из числа подозреваемых эту женщину следовало исключить. От смерти мужа она не выиграла ничего, но потеряла ВСЁ. – Проклятая его работа... – она жалобно всхлипывала. – Если бы не она, с ним бы ничего не случилось... Зачем вы довели до такого?

– Эмма, будьте благоразумны, – вздыхал Андрей, – вы не жили бы в Лондоне, если бы ваш муж не занимался этой работой. Не надо ее обвинять. Если гибнет в страшной аварии водитель автобуса, никому не придет в голову обвинять транспортное предприятие в том, что он заключил с ними договор.

– Наверное, вы правы, Мартин... простите, не знаю вашего настоящего имени... Но все это так горько, тяжело... Я осталась без мужа, Анна без отца, которого очень любила, хотя и выпендривалась перед ним так часто... Но у нее такой возраст, это понятно. Она очень хорошая, ласковая девушка...

– Да, Эмма, я уже заметил... Постарайтесь прийти в себя, возвращайтесь из безразличия. Что произошло? Вы должны рассказать. Не знаю, говорил ли вам об этом Алекс... За несколько дней до случившегося он сообщил, что добыл крайне важную информацию. Без преувеличения скажу – крайне важную не только для России, но и для всего мира. Потом с ним случилась эта трагедия...

– Нет, Алекс никогда не рассказывал о своей работе. О своей второй работе... Он и о первой-то не очень распространялся, считал, что дом – не то место, где стоит говорить про работу. И Лепарда, когда тот приходил, просил не мотать мне нервы разговорами о делах фирмы. Я знала, в общих чертах, чем он занимается... имею в виду... шпионскую (она с трудом выговорила это слово) деятельность... но никогда не распространялся о ней, берег меня. Вы знаете, я ведь тоже из России...

– Знаю, Эмма.

– Четыре года назад к нам прибыла молодая женщина, он представил ее Франческой, сказал, что теперь она будет работать у нас. Дал понять, что она его помощница. Я не возражала, лишь бы справлялась с обязанностями и меньше смотрела на моего мужа... вы понимаете, в каком смысле. К чести Франчески, она вела себя все эти годы прилично. Нет, у нее мелькали на стороне какие-то парни. Она смеялась: до сорока не выйду замуж... Нет, Алекс ни разу не упомянул, что владеет какой-то особой информацией, – Эмма словно очнулась. – Хотя знаете... Утром во вторник, 9 мая, он показался мне каким-то возбужденным, улыбался без причины, поднял меня зачем-то на руки. Сказал: ну, как же, сегодня великий праздник, День Победы. И мы, как «истинные» англичане, тоже имеем к нему отношение. Потом предложил: давай гостей завтра пригласим? И знаете, Мартин, просто мистика какая-то... – было видно в темноте, как Эмма передернула плечами. – Сейчас в доме находятся те же люди, что и двое суток назад...

– Признаюсь вам честно, Эмма, публика не очень приятная... на мой, разумеется, непосвященный взгляд.

– Согласна, но тем не менее это наши друзья, – Эмма пожала плечами. – Уж какие есть, простите, мы давно водим с ними знакомство.

– Хорошо, не мне судить. Что произошло два дня назад, Эмма?

– Господи, это не был никакой сердечный приступ... – Она опять заволновалась. – Алекс никогда не жаловался на сердце – Бенджи что-то выдумывает... Мы сидели той же компанией, разговаривали. Я испекла пудинг, любимый песочный торт Алекса, запекла мясо в трюфельном соусе. Анна с Моникой где-то шарахались весь день, к вечеру пришли. Я предложила Монике посидеть с нами за столом – она не отказалась, дети очень проголодались. Не сказать, что было очень весело, но и не скучно. Бенджи рассказывал веселые истории из своей медицинской практики, Шелли хохотала как дура... простите. Мужчины пару раз уходили в бильярдную, потом на этой террасе выпили по бокалу. Алекс удалился в кабинет на втором этаже – сказал, что нужно позвонить по работе. Вернулся, побыл какое-то время с нами. Мы с Шелли выходили в сад – я показывала ей, как надо высаживать хризантемы. Я не следила, где находится каждый из присутствующих, – зачем? Алекс получил какое-то сообщение на сотовый, шепнул, что нужно еще раз подняться в кабинет, кое-что найти. Он ушел. В это время мы повздорили с Анной – она заявила, что ей не надо поступать ни в какой колледж. Это точно влияние Моника... Я рассердилась на Анну, но не стала устраивать сцен перед гостями. Потом посмотрела на часы и вдруг подумала, что Алекса долго нет...

– Что показывали часы?

– Кажется, половину девятого... Шелли наконец-то отвязалась от меня, ушла в ванную комнату, а я решила подняться в кабинет Алекса. Дверь была закрыта, но не заперта, я вошла...

Она закрыла лицо руками.

– Эмма, постарайтесь сосредоточиться. Возможно, это важно.

– Знаете, Мартин, это не тот опыт, который хотелось бы повторить, – она еще нашла в себе силы пошутить, выпрямила спину. – Бар, встроенный в мебельную стенку, был открыт. Алекс лежал на полу посреди ковра – на спине, лицом вверх. Лицо у него все было синее, перекосилось, глаза широко открыты... Пальцы на обеих руках скрюченные, как будто он еще что-то в них держал... На полу валялся разбившийся стеклянный бокал из набора, рядом – разбившаяся бутылка виски...

– И все это толстое стекло разбилось, упав на ковер? – озадачился Андрей.

– Как раз ничего странного. Пол для кабинета Алекс заказал мраморный – считал, что это стильно. Ковер – тонкий, фактически циновка, хотя рисунок удачно сочетается с интерьером. Я уверена, Мартин, его отравили. Он выпил яд. Он один находился в кабинете, решил попробовать виски, открыл бутылку, налил в бокал. Видимо, бутылку держал в другой руке, пока пил... Яд оказался сильным, он все это выронил, упал... Наверное, он не сразу умер, мучился, звал на помощь. Но мы не слышали, все находились внизу... Это не инфаркт, уж поверьте моим двум курсам неоконченного медицинского училища. Алекса отравили. Я, кажется, кричала, голова закружилась, тоже упала... Меня услышала Франческа, прибежала, подняла тревогу...

– Прошу простить, Эмма, но звучит почти невероятно. Во-первых, получается, что отравил его кто-то из присутствующих, подсунув бутылку в бар. Зачем им это делать, вы же уверены в их порядочности? Во-вторых, довольно сомнительный способ убийства: то ли выпьет, то ли нет. А если и с друзьями поделится? В-третьих, зачем ему пробовать виски? Он уже выпил, внизу гости – нелогично. В-четвертых, если бы это было отравление, полиция давно бы обнаружила яд – даже в разбившейся бутылке. И в доме бы сейчас возились ищейки Скотленд-Ярда. Но полицию вы нисколько не интересуете – где она?

– Да, Мартин, все это выглядит нелогично, но я чувствую, я знаю... – Эмма нервничала, хрустели суставы на пальцах. – Никто не мог это сделать – даже если бы была возможность,

но это произошло. Полицию сразу вызвали. Они все осмотрели, обнюхали. Кто-то еще хихикал: дескать, мертвый, как Рокфеллер. Командовал такой вертлявый неприятный тип в клетчатом... его зовут инспектор Фуллертон... Я не могла разговаривать, что-то мямлила... Они забрали разбившуюся посуду, но что там нашли – неизвестно, с тех пор мы не видели полицейских. Бенджи сказал, что имел беседу с полицейским медиком. Тот уверял, что смерть не криминальная, просто у человека внезапно начались проблемы с сердцем, а помочь оказалось некому... Я в это не верю, этого не может быть, они что-то скрывают. Возможно, мы еще узнаем правду – завтра, послезавтра... Зачем ему пить этот виски? Я могу объяснить, Мартин. Бутылка лежала разбитая, этикеткой вверх, я тупо на нее смотрела. Знаете, что это было? «Лафроег» – знаменитый односолодовый шотландский виски – 30 лет выдержки. Вы знаете, сколько он стоит? Семьсот фунтов – за эти самые 30 лет. Алекс неплохо зарабатывал, но он не мог себе такое позволить. Больше всего он любил односолодовый виски, но употреблял сорта скромнее...

– И его не насторожило, что вдруг, откуда ни возьмись, в баре объявляется дорогой напиток? Согласно нашей информации, он боялся за свою жизнь...

– Но не видел угрозы в том, что находится в его доме, – парировала Эмма. – Я размышляла вчера ночью, Мартин. Я старалась этим отвлечь себя... Знаете, что получается? Бутылку действительно кто-то поставил в бар. Думаю, в то время, когда собирались гости. Все ходили туда-сюда, Франческа занималась на кухне. Кто-то поднялся и сунул бутылку, зная, что Алекс обязательно до нее доберется. Не сегодня, так завтра или послезавтра. Выпьет кто-то еще – его не волновало. Алекс никогда не запирает кабинет на ключ... А в начале вечера, когда мы погуляли по саду, мужчины приняли аперитив, сыграли пробную партию в бильярд и стали рассаживаться, он шепнул мне: «Вот спасибо, милая, поистине желанный подарок к празднику. Только зачем так дорого?» Я не поняла, что он имел в виду, но гости отвлекли, потом забылось. А вчера вспомнилось! Значит, он сразу обнаружил бутылку, решил, что я купила и поставила ему в бар. А потом, когда еще раз поднялся в кабинет, не удержался, решил сделать плоточек... О господи Иисусе...

Эмма словно подавилась, тяжело дышала. Андрей искренне недоумевал. Это убийство или нелепый случай? Чей-то корявый умысел, лишь по дикой случайности достигший результата, или гениальный план? И что тогда с информацией, которую якобы добыл Фридман? Где ее искать? Он закурил, ждал, когда Эмма успокоится. За закрытыми дверьми в холле продолжали бурчать люди. «Мы можем находиться под наблюдением», – подумал Андрей. Если кто-то здесь поработал, значит, должны следить. Но слежки он днем не почувствовал. Да и парни из его группы не должны спать. Они только с виду лоботрясы. Им ничто не мешает исследовать окрестности, занять позиции. Для чего им делали удостоверения лондонской полиции и Секретной службы?

– Вы неплохо обеспечены, Эмма?

– Денег едва хватает на безбедную жизнь, – усмехнулась вдова. – Это шутка, простите, я еще ухитрюсь шутить... Да, как ни странно, Алекс недурно зарабатывал на недвижимости, прокручивал элегантные комбинации – надеюсь, в рамках законности. Не сказать, что он был фантастически богат, но в ближайшие полгода мне не придется бегать по Лондону в поисках поденной работы. У него было несколько счетов. Он откладывал деньги на учебу Анне...

– Где его сотовый телефон?

– Я тоже об этом думала, – Эмма недоуменно пожала плечами. – Его нигде нет, наверное, забрала полиция... Скажите, Мартин, вы в бога верите? – она повернулась к нему, в темноте заблестели глаза. – Хотя о чем я спрашиваю, конечно же, вы атеист...

– Здесь все очень просто, Эмма, – вздохнул Андрей. – Я не воинствующий атеист. Покажут нормального бога – перестану быть атеистом. А из того, что предложено, – извините, не мое...

– Вот и Алекс так же говорил... Скажите, Мартин, мне теперь придется... уезжать в Россию? Ну, вроде я теперь больше здесь не нужна...

– Не знаю, Эмма, не мне решать. Возможно, обойдется? – он невесело усмехнулся. Неприятно, конечно, так думать о родной «стране весеннего обострения»...

– А если предложат? – она как-то сжалась, застыла. – Придут люди, мягко поинтересуются: вы же не откажетесь от предложения, от которого невозможно отказаться?

«Потрясающе, – подумал Андрей, – под влияние антироссийской пропаганды попадают даже жены наших лучших агентов».

– Не надо думать о худшем, Эмма. Опишите план дома.

– Здесь все несложно... Подвал и чердак закрыты на ключ, там только старый хлам, оставшийся от прежних жильцов, переехавших на Кенсингтон-Хай-Стрит. Холл вы видели. Парадное крыльцо, напротив – выход на террасу. Слева бильярдная, справа кухня, там же небольшая столовая, где мы обедали семьей. Лестница из холла на второй этаж – там коридор по всей длине этажа. Есть еще одна лестница – пожарная, она находится сразу за бильярдной, ведет в тот же коридор. Мы называем эту лестницу северной. Наверху все просто – небольшая гостиная, две гостевые спальни, они сейчас тоже заперты. В северном крыле – две смежные комнаты Анны, кабинет Алекса. В южном – наша с ним спальня... Мне нечего скрывать, можете посмотреть...

– Что скажете о людях, которые находятся в доме?

– Знаете, Мартин, я не люблю говорить за глаза или за спинами... Эти люди наши друзья – какие бы они ни были...

– И все же напрягитесь. Мне не нужны их лучшие качества – каковыми они, безусловно, изобилуют. Скрытые и явные пороки, грешки, недостатки, слабые стороны. Неестественное поведение в последнее время...

– Господи, на что вы меня толкаете... – она покосилась через плечо на закрытые двери в холл. – Ладно, надеюсь, уже ничем не удивлю Бога... Надо говорить про мою дочь и про горничную?

– А есть что рассказать? Повторяю, их лучшие качества рассмотрим не сегодня.

– У всех людей есть темные стороны, иначе это не люди, какие-то ангелы, спустившиеся с небес... Анне свойствен подростковый максимализм. Она хорошая добрая девочка, но временами ведет себя как гадкая вредина. Никого не слушает, вспыльчивая, может нехорошим словом пройти – за что потом умирает от стыда. Считает, что мы ничего не понимаем в жизни... Да и Моника на нее не очень благотворно влияет – эта девочка тоже со странностями и закидонами...

– Мальчики?

– Анна дружила с мальчиком из параллельного класса, – отмахнулась Эмма. – Ничего серьезного – да и кто бы ей позволил в такие годы? В последние две недели была какая-то взвинченная – хотя, возможно, я утрирую. Отцу нахамила, когда вернулась поздно и не выучила уроки. Я собиралась составить с ней беседу, но разве это возможно? «Мама, не сейчас! Мама, я страшно занята! Мама, у меня голова болит, и я кино смотрю!»

– Ее что-то тревожило?

– Нет, не думаю... – Эмма помедлила. – Обеспокоенной она не выглядела, как обычно – ходила в школу, в какие-то кружки, однажды ее даже вытащили в Гайд-парк на женские протесты против Трампа. Увы, мы никогда не ограничивали ее перемещения. Вернулась с митинга одуревшая, сказала, что больше не пойдет. Смеялась: мол, считала, что женщины

могут так орать лишь в процессе изнасилования. Временами она казалась какой-то мечтательной, потом ее все начинало дико раздражать...

«Пожалуй, это все, что нужно знать о детском отношении к миру», – подумал Андрей.

– А что не так с Моникой?

– В русском языке есть хорошие слова, – Эмма посмотрела через плечо, понизила голос, – «оторва», «выдерга», «бузотерка»... В английском таких оттенков, разумеется, нет. Мне кажется, родители не очень прилежно относятся к воспитанию дочери. Она ходит на какие-то сомнительные мероприятия, водится с мальчиками, которые старше ее, вроде бы курила, даже пила пиво в не самой подходящей компании... Учится неважно, хотя с ее способностями могла бы лучше. Мне кажется, она сильно влияет на Анну. Но внешне приветлива, вежлива, хотя я однажды слышала, когда они сидели в комнате Анны, – Моника так грубо ругала кого-то из учителей, что уши в трубочку сворачивались... Но она была подчеркнута вежлива с Алексом. Мне кажется, он даже смущался в ее присутствии, непонятно с чего...

– Франческа?

– Ничего дурного, Мартин. Бывает, что не справляется, но трудно одновременно забрасывать грязную одежду в стиральную машину, мыть посуду, готовить и выполнять обязанности гувернантки по построению Анны... Пару недель назад Франческа подхватила ангину, несколько дней лежала, не вставая. Приходилось все делать самой... Нет, не думайте, Франческа никогда не садится на шею, пользуясь своим статусом... ну, вы понимаете. Она трудолюбивая, и как-то даже странно – ей тридцать лет, не плоха собой, мужчины на нее поглядывают. Часто думала: неужели вот так и собирается всю жизнь – вроде адъютанта при шпионе? Извините...

– Да все нормально, не извиняйтесь. Это для британцев Алекс был шпионом, – позволил отшутиться Андрей. – Для нас – разведчиком. Что с остальными?

– Марк Рубинштейн неплохо устроился в своем агентстве. Это он на вид такой недопепа. Умный, собирает компромат на свою клиентуру. Не чурается брать мзду, сам отстегирует чиновникам из суда и прокуратуры. Там свой круг, в который никто не суется. С его конторой связано много полулегального и откровенно незаконного. Это Алекс по секрету рассказывал. Он использовал Марка пару раз, когда другого выхода не было – требовалась юридическая поддержка по выводу объекта из муниципального владения. Ушлый тип. Как он выразился: такой и в рай за взятку проберется. Шелли при нем как-то дико выглядит, правда? Но противоположности притягиваются. Она окончила престижный университет в Портсуорси, но ни дня по специальности не работала. Несколько лет страдала от безделья, потом стала шить, открыла ателье – на что ей, разумеется, Марк подкинул денег. С ней приятно поболтать о тряпках, садовых растениях, об интерьере с дизайном, но не более. Слишком высокого мнения о себе, хотя на самом деле...

– Как елочная игрушка, – нашел сравнение Андрей. – Вся блестит, а внутри пустая.

– Можно и так сказать, – согласилась Эмма. – Но Шелли не дура, она расчетлива, хитра, а если и корчит из себя пустышку, то, скорее всего, играет роль. Алекс как-то признался, когда мы в спальне обсуждали Шелли: дескать, вот смотрю на нее и вообще перестаю что-то понимать в женщинах. То есть окончательно в них разобрался. Ничем подозрительным в последнее время эта пара не отмечалась – если не считать, что Марк продал старый «Ягуар» и купил новый «Ягуар»...

– Доктор Портер? Он мне одному не нравится?

– Он хороший специалист... Хотя простите, Мартин, о живых сегодня – только плохое... Он такой представительный, участливый, сильный, в полном расцвете лет. Но человек с гнильцой. Несколько лет назад вылечил Алекса от тяжелой пневмонии... и как-то притерся к дому. На меня посматривал и сейчас посматривает... впрочем, это видно невооруженным

глазом. Часто приходил, когда Алекса не было, пил чай, предлагал свои услуги в тех или иных сферах. Так смотрел... Иногда руки касался, извинялся. Но всегда держался в рамках – иначе вылетел бы на улицу. Я Алексу ничего не говорила, мы эту тему не обсуждали. Возможно, он догадывался, но верил, что я не паду перед его сомнительными чарами. Бенджи был ему нужен для чего-то, да и ссориться не хотелось с человеком, оказавшим ему столько услуг... Стыдно так думать, но мне кажется, в душе Бенджи рад, что Алекса не стало... Теперь будет болтаться вокруг дома каждый день, таскать продукты, лекарства, заботиться о моем здоровье...

– Дон Лепард тоже не бескорыстный бесребреник?

– Думаю, да. Субъект довольно скользкий. Но Алекса в работе не подводил, хотя однажды Алекс признавался, что с этим субъектом надо держать ухо востро – уж слишком падок на соблазны. Он умен, хотя редко это показывает. Живет один, наслаждается жизнью – можно сказать, сибарит и гедонист, всюду ищущий наслаждений. Семью решительно не желает строить, хочет жить для себя.

– Он не гей?

– Нет, он даже не метросексуал, – фыркнула Эмма, – поскольку проповедует, как он сам выражается, «здоровую лень». Года два назад пытался кадрить Франческу. Она с таким изумлением смотрела на его заигрывания...

«Почему бы этому парню не отравить своего партнера по бизнесу? – вдруг подумал Андрей. – Прекрасно знает о его вкусах, купил вискарь, подбросил, зная, что тот не удержится, обязательно глотнет... А шпионские дела тут ни при чем, так совпало во времени и пространстве...»

И где же, черт возьми, следы «сенсационной» информации, добытой Фридманом?

– Становится прохладно, – Эмма поежилась. – И как-то неудобно, мы здесь, а гости там...

– Сейчас пойдем, Эмма, – Андрей уже все продумал и решил. Дело к ночи, вероятность появления полиции и спецслужб крайне мала. Есть время до утра, чтобы во всем разобраться. Он не будет тянуть канитель, которая может оказаться пустышкой! – Минуточку терпения, Эмма. К сожалению, дальше я буду действовать без вашего разрешения. У меня инструкции. Ничему не удивляйтесь и не паникуйте, скоро все закончится. Слышали крылатую фразу: лучше ужасный конец, чем ужас без конца?

– Что вы задумали? – испугалась Эмма.

– Просто предлагаю еще немного потерпеть.

Он поднес телефон к уху, дождался ответа.

– План «С», господа оперативные сотрудники. У вас есть три минуты.

– Поняли, мистер Гринфорд, – без обсуждения приказа отозвался Веприн. – Разрешите выполнять?

– Бегом, – он бросил телефон в карман.

– Мартин, но что вы хотите делать? – испуганно бормотала Эмма. – Вы меня пугаете...

– Пришла беда с понятиями, называется, – засмеялся Андрей. – Шучу, Эмма, обойдемся без понятий.

Он решительно направился к двустворчатым дверям, распахнул их, пропуская в холл хозяйку.

Глава четвертая

Чета Рубинштейнов уже собиралась уходить. Толстый Марк, вставая на цыпочки, пытался всунуть свою супругу в куртку. Шелли шипела на его косорукость, попадая перстнем куда угодно, только не в рукав. Остальные тоже шевелились, но еще не выбрались из-за стола. Доктор Портер что-то судорожно запихивал с тарелки в рот. Дон Лепард напоследок решил выпить – щедро наполнял бокал рубиновым кагором.

– О Эмма, вы с Мартином уже вернулись... – зашебетала Шелли, глупо улыбаясь с «высоты птичьего полета». – А нам уже пора идти, знаете ли... Нельзя нарушать режим, мы всегда укладываемся спать в одно и то же время...

Эмма побледнела, не нашлась, что ответить. Растерянно посмотрела на Андрея.

– Прошу внимания, господа! – громко объявил он. – Мне очень жаль, но всем присутствующим придется поменять свои планы на текущую ночь. Вас приветствует Секретная служба Ее величества! Просьба всем остаться в зале! – он поднял руку с пластиковым удостоверением, чтобы все желающие могли разглядеть.

Наставшую минуту молчания было трудно переоценить. Люди замерли. Шелли застыла с открытым ртом, так и не найдя рукав своей куртки. Последняя вывалилась из ослабшей руки Марка Рубинштейна, а сам Марк резко вспотел. Моника Родригес клацнула зубами, икнула. Анна Фридман как-то шумно выдохнула, растерянно взглянула на мать. Дон Лепард подхватил столбовую болезнь, когда нес бокал ко рту – так и не донес, раскрыв от изумления рот. Поперхнулся доктор Портер, стал надрывно кашлять. Из кухни высунулась смышленная мордашка Франчески. Она с интересом обозрела «актеров немой сцены», отыскала взглядом Андрея, понятиливо хмыкнула. Косить под МИ-6 – Секретную разведслужбу королевства – было бы глупо. Внутренними делами в Великобритании ведала контрразведка МИ-5 – Секретная служба. В ее обязанности входила защита национальной безопасности от разного рода угроз – шпионажа, терроризма, распространения оружия массового уничтожения. Контрразведка активно оказывала консультации по безопасности фирмам и организациям – делая при этом некоторых сотрудников внештатными осведомителями. Служебные удостоверения были сделаны старательно, с фамилиями реальных «действующих лиц», однако серьезную проверку на подлинность они бы не прошли. Поэтому спешка была уместна.

– Вот черт... – Дон Лепард вышел из ступора, уставился на бокал в руке... и залпом выпил. Не пропадать же добру. Марк медленно, словно она была заминирована, поднял куртку жены, задумался, куда ее повесить – на крючок или на жену. Шелли сделала большие глаза.

– Э-э, минуточку... Это что же получается?

– А получается, что этот человек – никакой не брат моего отца, – вымолвила Анна. И как-то требовательно уставилась на Эмму: – Мама, ты что затеяла? Зачем это?

Эмма растерянно пожала плечами.

– Прошу простить, господа, что ввел вас в заблуждение, – объявил Андрей. – Этого требовала ситуация. Прошу понять и не возмущаться. Здание окружено сотрудниками Секретной службы. Сейчас сюда придут мои помощники. Расследуется дело национальной безопасности. В течение этой ночи мы должны прояснить обстоятельства смерти Алекса Фридмана.

– Но, позвольте, – пробормотал Лепард, – какое отношение Алекс Фридман имел к национальной безопасности? Мы с ним просто торговали недвижимостью...

– Неужели, мистер Лепард? – Андрей прищурился. – И вы не подозревали, что ваш партнер время от времени выполняет заказы военного и разведывательного ведомств? Вы такой наивный или собираетесь водить нас за нос? Вы ничего не хотите рассказать?

Партнер покойного пытался справиться с охватившей его дрожью – волнение так и лезло. «Заземлить бы человека», – сочувственно подумал Андрей. Йозеф Геббельс был, конечно, редкой сволочью, но его нетленный постулат про «чем чудовищнее ложь» удивительным образом работал.

– Всем остаться в гостиной, – распорядился Андрей, – никуда не выходить, меж собой не общаться. Любая попытка кому-то позвонить или воспользоваться Интернетом будет расценена как государственное преступление. Очень прошу не делать этого – все звонки из этого дома уже отслеживаются Технической службой.

В дверь постучали. Андрей открыл. Вторглись двое в невзрачных костюмах и с сосредоточенными лицами. Веприн неплохо смотрелся в очках, Полянский – с приклеенными усиками.

– Это агенты Хэнк и Вильямс, – представил коллег Андрей. – Они имеют ордер и все положенные инструкции. Приступайте, господа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.